

188
189

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСТВА

У

ИНОРОДЦЕВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Н. Л. Гондатти.

МОСКВА.

Типографія Е. Г. Потапова, Старая Басманная, д. Маринской.
1888.

21

Д 183.
122.

Ф 1-77
15616

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСТВА

У

ИНОРОДЦЕВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Н. Л. Гондатти.

МОСКВА.

Типографія Е. Г. Ноталова, Старая Басманная, д. Марашовой.
1888.

Изъ VIII книги Трудовъ Этнографическаго Отдѣла.

Слѣды языческихъ вѣрованій у Маньзовъ.

Въ 1885 году мнѣ удалось побывать въ Сѣверо-Западной Сибири, куда я былъ командированъ съ цѣлю ознакомленія съ антропологическимъ типомъ населенія и для собиранія коллекцій. Путь мой лежалъ чрезъ Нижній, Казань, Пермь, Тюмень на Тобольскъ, Березовъ и Обдорскъ; затѣмъ мною были посѣщены лѣвые притоки Оби: Сѣверная Сосьва съ Сыгвой и правый—Казымъ; осмотрѣнъ былъ Уралъ сѣвернѣе истоковъ Печоры и тундра въ различныхъ мѣстахъ. Посѣщенная мною мѣстность не представляетъ изъ себя вполне не извѣданнаго уголка, особенно главное теченіе Оби, которое посѣщалось уже не разъ разными путешественниками, хотя никто изъ нихъ и не задавался специально антропологическими цѣлями; оставивъ поэтому Обь, я ознакомился, главнымъ образомъ, все время съ ея притоками съ правой и съ лѣвой стороны, какъ наименѣе изслѣдованными и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе сохранившими свои типичныя черты. Изъ этихъ притоковъ меня наиболѣе интересовала Сѣверная Сосьва съ Сыгвой, берущія начало съ Урала и текуція болѣе, чѣмъ на тысячу верстъ; рѣки эти интересны въ томъ отношеніи, что онѣ, какъ полагають, были въ древности однимъ изъ мѣстопребываній югры. Такъ напримѣръ, по картѣ, приложенной къ Космографіи Себастіана Мюнстера, видно, что югра живетъ на правой сторонѣ Печоры; на картѣ Герберштейна, прямо противъ впаденія Сосьвы показана Югра; далѣе, лѣтописецъ Несторъ подъ 1096 годомъ пишетъ: „Се-же хоцю сказати,

яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гурята Роговичъ Повгородецъ, глаголи сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югриже людье есть языкъ нѣмъ, и *сѣдятъ съ Самоѣды на полуночныхъ странахъ*...; наконецъ, въ книгѣ Большаго Чертежа сказано, что «отъ устья (Оби) вверхъ—обдорскіе города. А выше обдорскихъ городовъ—югрскіе. А выше югрскихъ городовъ—сибирскіе»; и затѣмъ далѣе послѣ перечисленія югорскихъ городовъ, (среди названій которыхъ встрѣчаются и современные урочища и селенія) сказано: «А тѣ грады по Сосвѣ и Сыгвѣ—Югра».

Населеніе Сѣверо-Западной Сибири въ настоящее время довольно смѣшанное: не говоря про русскихъ и зырянъ, здѣсь сталкиваются три народности: самоѣды, остяки и маньзы, народности, которыя прежде играли гораздо большую роль, чѣмъ это имъ суждено теперь; изъ нихъ остяки населяютъ, главнымъ образомъ, среднее и нижнее теченіе рѣки Оби съ ея притоками и низовья Иртыша; самоѣды живутъ по низовымъ тундрамъ, бродятъ со своими стадами по берегамъ Ледовитаго моря и его островамъ, а маньзы, извѣстныя у прежнихъ писателей подъ именемъ угровъ или югровъ и называемыя мѣстными русскими то остяками, то вогулами, составляютъ населеніе рѣкъ Сѣверной Сосвы и Сыгвы съ ихъ притоками; по типу, языку, обычаямъ и религіи это ничто иное, какъ тѣ вогулы, остатки которыхъ теперь встрѣчаются ввидѣ нѣсколькихъ семей въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. По мѣрѣ приближенія къ востоку, т. е. къ Оби и къ сѣверу, т. е. къ Ледовитому морю, маньзы все болѣе и болѣе теряютъ свою чистоту, такъ какъ на востокъ замѣчается ихъ смѣшеніе съ остяками, а на сѣверѣ — съ самоѣдами. Слѣды подобнаго смѣшенія видны вообще между всѣми тремя народностями и оно вполне понятно въ виду тѣхъ частыхъ браковъ, которые заключаются между ихъ представителями. Съ одной стороны это обстоятельство, съ другой—одинаковыя

условія жизни производят то, что въ нравахъ, въ обычаяхъ, въ занятіяхъ, въ одеждѣ, въ принадлежностяхъ домашняго быта, въ типѣ—во всемъ замѣчается между ними много общаго.

Переходя теперь къ описанію слѣдовъ языческихъ вѣрованій у маньзовъ, я долженъ прежде всего оговориться: встрѣтить маньза, который могъ-бы все рассказать про своихъ боговъ, теперь немислимо: нѣкоторые, особенно молодые, ничего не знаютъ; или рассказываютъ и выдаютъ за свое слышанное когда-либо отъ русскихъ, такъ что все, что слѣдуетъ дальше, мнѣ приходилось слышать не отъ одного лица, а отъ нѣсколькихъ десятковъ разскащиковъ, и затѣмъ слышанное привести уже болѣе или менѣе въ порядокъ.

Въ настоящее время инородцы Сѣверо-Западной Сибири, за небольшимъ количествомъ низовыхъ остояковъ и самоѣдовъ, всѣ крещены и всѣ считаются христіанами, но въ большинствѣ случаевъ только по имени, потому что по прежнему, почти всѣ безъ исключенія, такъ-же вѣрятъ въ своихъ боговъ, такъ-же приносятъ имъ жертвы, такъ-же почитаютъ своихъ шамановъ, какъ это они дѣлали до принятія христіанства; вся разница только въ томъ, что теперь они стараются всѣ обряды совершать потихоньку, скрываясь, главнымъ образомъ, отъ духовнаго и свѣтскаго начальства и опасаясь, какъ-бы оно не взыскало и не наложило-бы за это какой-нибудь пени, чего они боятся больше всего. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, женщины, несмотря на свое нѣсколько приниженное состояніе, являются гораздо консервативнѣе и фанатичнѣе мужчинъ, на которыхъ даже оказываютъ известное вліяніе въ религіозномъ отношеніи: гораздо скорѣе можно узнать какія-нибудь тайны вѣрованій отъ мужчинъ, чѣмъ отъ женщинъ, и это, конечно, зависитъ не отъ ихъ большей словоохотливости, которая составляетъ и здѣсь, какъ и вездѣ впрочемъ, скорѣе принадлежность слабой половины человечества. Изъ добытыхъ свѣдѣній видно, что религіозные взгляды и вѣрованія инородцевъ не представляютъ сбора всевоз-

можныхъ разсказовъ безъ видимой связи; напротивъ, послѣдняя чувствуется вездѣ и если она не для всѣхъ еще достаточно очевидна, то это зависитъ отъ малой разработки вопроса, поспѣшить чѣмъ вообще слѣдуетъ, потому что Сибирскіе инородцы или вымираютъ, или русѣютъ, причемъ забываютъ свой языкъ, свои преданія и обычаи, и, конечно, недалеко уже то роковое время, когда изученіе ихъ будетъ возможно только по описаніямъ, оставленнымъ путешественниками, да по музейскимъ коллекціямъ, которыя, кстати сказать, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ за границей гораздо лучше, чѣмъ у насъ — въ Россіи.

При существующемъ многобожіи, при раздѣленіи боговъ на добрыхъ и злыхъ, причемъ представителемъ первыхъ является *яныхъ-торумъ* *)—великій богъ, а представителемъ вторыхъ—*кумъ*—дьяволъ, у инородцевъ незамѣтно, по крайней мѣрѣ теперь, того страха и трепета, который является основнымъ началомъ въ религіяхъ нѣкоторыхъ народностей; у нихъ скорѣе видна какая-то предупредительность по отношенію къ богамъ, смягченіе ихъ гнѣва и часто просто даже подкупъ въ ожиданіи будущихъ благъ различными дарами, приносимыми при всѣхъ мало-мальски выдающихся случаяхъ въ жизни: родится, женится, умираетъ человекъ—приносится жертва съ просьбой: то сдѣлать жизнь счастливой новорожденному, то дать побольше дѣтей новобрачнымъ, то приготовить мѣсто получше въ будущей жизни; идетъ инородецъ на охоту, на рыбную ловлю, онъ дѣлаетъ съ богами договоръ: «если убью три соболя, то одного тебѣ; если шесть, то двухъ; если тonya будетъ удачная, то самую большую рыбу получишь ты, иначе ничего не дамъ» и т. д., все въ томъ-же родѣ.

*) Приводимыя здѣсь названія взяты изъ языка Маньзовъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употреблены надстрочные знаки, значеніе которыхъ таково: тире указываетъ, что извѣстная гласная буква произносится какъ долгая; запятая, поставленная надъ буквой *ж* показываетъ, что это *ж* произносится чуть слышно; таже запятая, поставленная надъ *н*, служитъ указаніемъ на носовое произношеніе этого звука, напоминающее отчасти произношеніе, напримеръ, французскаго слова—*oncle*,

Правда, *яныхъ—торумъ* и одинъ изъ его сыновей *миръ суснэ хумъ*, завѣдывающій людьми, всесильны и могутъ все сдѣлать съ ними, но они добры и справедливы, а *куля* всегда можно подкупить; этимъ отчасти объясняется и то обстоятельство, что изображенія, обыкновенно дѣлаемые изъ металла или изъ дерева, и составляющія необходимую принадлежность каждой семьи и хранимыя въ особомъ сундукѣ, иногда выкидываются или замѣняются новыми, если они плохо работали и мало помогали своему хозяину. Подобныя изображенія дѣлаются или самими инородцами, причемъ часто ими одѣваются въ разныя одежды, но преимущественно завертываются въ головные платки, или приобрѣтаются у русскихъ и зырянъ, причемъ характеръ ихъ вообще довольно разнообразенъ: то они представляютъ изъ себя ничто иное, какъ простыя дѣтскія игрушки, то нарочно по заказу сдѣланныя или купленныя на Ирбитской ярмаркѣ изображенія животныхъ, въ которыхъ боги, въ случаѣ необходимости, могутъ превращаться; такъ напримѣръ, въ Сома-паулѣ почитаютъ изображеніе гагары (*Colymbus Septentrionalis*) въ Аньевскихъ юртахъ—чайки (*Lavus ichtyactus*), въ Тоболдинскихъ—лягушки, и т. д.; особенно почитается изображеніе коня, такъ какъ на-немъ *миръ суснэ хумъ* каждую ночь объѣзжаетъ всю землю и смотритъ, все-ли въ порядкѣ.

Кромѣ боговъ главныхъ: *корсь-торумъ* — родоначальника всѣхъ боговъ и *яныхъ—торумъ* или *нуми-торумъ* (иначе еще *войканъ-торумъ*) съ его сыновьями, причемъ каждый изъ нихъ имѣетъ особенное назначеніе, существуетъ еще цѣлая плеяда второстепенныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые являются богами личными, другіе семейными и родовыми; поэтому около всякаго отдѣльнаго жилища и особенно около цѣлыхъ селеній всегда бывають особыя мѣста, посвященныя чествованію того или другого бога, гдѣ приносятся жертвы и гдѣ хранятся его богатства. Въ подобныхъ мѣстахъ очень нерѣдко можно увидать нѣсколько высокихъ шестовъ, вбитыхъ въ землю и увѣнчанныхъ на верху лоскутками, шкурками, блестящими бездѣлуш-

ками и тому подобными предметами. Шесты эти, изъ которыхъ средній самый высокій, посвящены какимъ-нибудь богамъ, приче́мъ средній всегда соотвѣтствуетъ *яныхъ-торумъ*, сосѣдній справа *сянь-торумъ* и слѣва—*миръ суснэ хумъ*; другіе шесты, ежегодно мѣняемые, посвящены другимъ богамъ; по бокамъ тянутся скамейки, между которыми въ землѣ есть помѣщеніе для варки пищи въ котлахъ; кругомъ валяются кости, остатки трапезы, маленькія лопаточки, которыми ѣдятъ, и т. д. Что-же касается до мѣста обитанія главныхъ боговъ, то оно у нихъ всегда находится въ опредѣленныхъ мѣстахъ, куда съѣзжаются за нѣсколько сотъ верстъ инородцы, чтобы поклониться и сдѣлать извѣстнаго рода приношенія; но этимъ обыкновенно дѣло еще не ограничивается, такъ какъ существуютъ особые сборщики добровольныхъ даяній, которые, съ открытія навигаціи, снаряжаютъ лодки и ѣдутъ по Оби и ея притокамъ собирать шкурки и разные предметы въ пользу того бога, богатствами котораго они завѣдуютъ. Въ прежнее время, когда инородцы не были такъ испорчены, какъ теперь, тогда, дѣйствительно, все жертвуемое хранилось въ сараяхъ, принадлежавшихъ тому или другому богу, гдѣ шкурки и другія подобныя вещи ислѣввали, а серебро и мѣдь оставались цѣлыми въ теченіе столѣтій; теперь-же большая часть жертвуемаго попадаетъ въ руки русскихъ и зырянскихъ торговцевъ, которые никогда не прочь купить по дешевой цѣнѣ старое серебро и новыя шкурки; обманъ жертвователей тѣмъ болѣе легокъ, что мѣстонахожденіе хранилищъ жертвуемыхъ вещей скрывается отъ всѣхъ и только одни сборщики да очень небольшое число постороннихъ лицъ знаютъ, гдѣ оно находится; въ послѣднее время вслѣдствіе указанной причины, вслѣдствіе общаго обѣдненія инородцевъ и вслѣдствіе тайнаго ограбленія зырянами и русскими, запасы подобныхъ хранилищъ стали очень малы, но было время, и даже не далѣе какъ въ пятидесятихъ—шестидесятихъ годахъ, когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находили по сотнямъ разныхъ шкуръ и по десяткамъ пудовъ стараго серебра; подобные запасы имѣли боль-

шое значеніе въ жизни инородцевъ въ случаѣ несчастныхъ происшествій какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ родовъ, такъ какъ изъ нихъ можно было брать заимообразно какое-угодно количество вещей съ тѣмъ, понятно, чтобы потомъ, при улучшеніи условій, все возвращалось обратно съ извѣстнымъ увеличеніемъ. Они, такимъ образомъ, играли роль ссудныхъ учреждений, освященныхъ только религіозными взглядами; говорить о пользѣ этого, конечно, излишнее, и вотъ почему многія бѣдствія—падежъ скота, плохая охота, отсутствіе рыбы и звѣря, болѣзни, и т. д., прежде не имѣли такого пагубнаго значенія, какъ это наблюдается нерѣдко теперь.

Не смотря на извѣстную простоту отношеній между богами и инородцами, выражающихся, главнымъ образомъ, въ жертвоприношеніяхъ, между тѣми и другими существуютъ посредники ввидѣ жрецовъ шамановъ, званіе которыхъ обыкновенно переходитъ по наслѣдству не только по мужской, но и по женской линіи. Прежде шамановъ было гораздо менѣе, чѣмъ теперь: такъ лѣтъ 80 тому назадъ на Сыгвѣ и Сѣверной Сосвѣ былъ только одинъ, который и разтѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, а теперь ихъ восемь. Эти шаманы представляютъ изъ себя, по мнѣнію инородцевъ, людей, болѣе угодныхъ богамъ, чѣмъ остальные, и просьбы которыхъ поэтому могутъ быть скорѣе удовлетворены. Обыкновенно шаманы еще съ малолѣтства выказываютъ нѣкоторыя отличительныя черты сравнительно съ другими дѣтьми, что преимущественно выражается въ большей воспріимчивости, въ большей впечатлительности и вообще въ большей нервности; иногда они страдаютъ припадками падучей болѣзни, приступы которой однако объясняются общеніемъ съ богами; прежде, да даже и теперь иногда, между шаманами встрѣчаются люди искренно убѣжденные и вѣрующіе во все то, что они продѣлываютъ во время припадковъ или въ другіе моменты своей жизни и смотряще на это, какъ на проявленіе божественной силы; но съ каждымъ годомъ число такихъ лицъ уменьшается и они замѣняются извѣстными шарлатанами, которые, пользуясь довѣрчивостью

инородцевъ, обманываютъ ихъ, обираютъ и живутъ вслѣдствіе этого гораздо лучше остальныхъ людей своей народности, что, главнымъ образомъ, теперь выражается въ большемъ количествѣ выпиваемой водки. Между шаманами рѣдко встрѣчаются дряхлые старики, потому что имъ трудно было-бы исправлять свои обязанности, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ приношеніи жертвъ, въ лѣченіи больныхъ, въ гаданіи и узнаваніи будущаго и воли боговъ; при всѣхъ жертвоприношеніяхъ, если только присутствуетъ шаманъ, а иногда они бывають безъ него, онъ играетъ первенству ющую роль: убиваетъ жертвенное животное, рѣжетъ его на части, собираетъ кровь, кормитъ изображенія боговъ, т. е. мажетъ имъ губы кровью и ставитъ передъ ними на нѣкоторое время берестяныя или деревянныя чашки съ мясомъ, которое затѣмъ съѣдаетъ самъ же съ помощью присутствующихъ, и вообще онъ начинаетъ и оканчиваетъ торжество; здѣсь же происходитъ часто и гаданье о разныхъ вопросахъ, имѣющихъ значеніе въ жизни инородца—о количествѣ звѣря, птицы и рыбы, объ охотѣ, о лѣсныхъ пожарахъ, и т. д. На Оби у шамановъ бывають почти всегда помощники или ученики, которые продѣлываютъ обыкновенно все то, что дѣлаетъ самъ шаманъ, но у маньзовъ этого нѣтъ. Жертвоприношенія бывають случайныя и постоянныя: первыя находятъ въ зависимости отъ какихъ-нибудь случайныхъ причинъ и отъ большого или меньшаго усердія инородцевъ, между тѣмъ какъ вторыя являються обязательными и совершаются обыкновенно: весною—передъ началомъ рыбной ловли; ранней осенью—послѣ ея окончанія; поздней, осенью передъ отправкой на зимнюю охоту и затѣмъ по возвращеніи съ нея, и въ другихъ, тому подобныхъ, случаяхъ.

При жертвоприношеніяхъ обыкновенно присутствуютъ только одни мѣшцины, а женщины нарочно удаляются подальше отъ священнаго мѣста, гдѣ совершается обрядъ; развѣ только жертва приносится дома, когда и женщинамъ разрѣшается оставаться. Жертвы состоятъ изъ оленей, а если есть какаля-нибудь возможность достать лошадь, часто даже за большія деньги, то

изъ нея; послѣдняя жертва считается наиболѣе пріятной богу, да и самому инородцу, такъ какъ при всѣхъ жертвоприношеніяхъ богамъ собственно достается только запахъ да паръ отъ дымящейся крови и сочнаго мяса, а все остальное съѣдается самими жертвователями, для которыхъ лошадиное мясо представляетъ лакомый кусочекъ, тѣмъ болѣе пріятный и дорогой, что онъ бываетъ очень рѣдокъ: лошадей приходится приводить или изъ-за Урала, или съ средняго теченія Оби, что, понятно, соединено съ большими хлопотами и затрудненіями.

Жертвенное животное, преимущественно бѣлаго цвѣта, (темнаго не любятъ боги) или душится, или рѣжется, или убивается просто ударомъ дубины по головѣ, причемъ нерѣдко бываетъ, особенно съ лошадьми, что ихъ еще живыхъ колотъ слегка ножами, собираютъ вытекающую кровь, пьютъ ее и это продолжаютъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока животное не умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Если жертву—большую частью оленя—приносятъ въ жильѣ, то по стѣнамъ развѣшиваютъ шкурки, лучшія одежды, а оленя мордой ставятъ къ нарочно вынутому изъ его постоянного хранилища шайтану, (гдѣ-нибудь въ сараѣ, если онъ большой), котораго вносятъ и выносятъ, какъ и покойника, не чрезъ дверь, а чрезъ окно или чрезъ нарочно сдѣланное отверстіе; если-же жертва приносится на воздухъ, то на нее накидывается одежда, и въ томъ случаѣ, когда она общественная, а не частная, на шею животному набрасываютъ петлю, которую всѣ тянутъ къ себѣ, чтобы показать, что и они принимаютъ участіе въ жертвоприношеніи; затѣмъ въ томъ случаѣ, если жертва приносится яныхъ-торумъ, то, по окончаніи всѣхъ приготовленій, всѣ громко вскрикиваютъ до трехъ разъ (когда жертву приносятъ другому богу, то этого не дѣлаютъ) и при послѣднемъ разѣ животное бьютъ чѣмъ-нибудь тяжелымъ, напримѣръ, обухомъ топора по головѣ—лошадь спереди, а оленя сзади; передъ этимъ крикомъ и затѣмъ во второй разъ передъ кѣдой мяса обыкновенно шаманятъ: просятъ о чемъ-нибудь или спрашиваютъ про что-нибудь.

При служеніи шаманы не надѣваютъ особаго костюма, а только имѣютъ на головѣ не большую шапочку ввидѣ колпака, спитую изъ кусочковъ разноцвѣтнаго сукна, да въ рукахъ бубень, по которому по временамъ ударяютъ особой палкой, обтянутой шкуркой какого-нибудь звѣрька; этотъ бубень дѣлается преимущественно изъ лосиной кожи, иногда изъ оленьей и даже собачьей, натянутой въ сырѣмъ видѣ на обручъ, шириною въ два-три вершка и въ діаметрѣ до аршина и болѣе; сырая кожа при высыханіи плотно обхватываетъ обручъ, затѣмъ она еще слегка пришивается къ ободку къ которому прикрѣпляютъ еще кольца, цѣпочки, бубенцы и вообще разные предметы, издающіе звукъ; съ внутренней стороны вставляются накрестъ двѣ палки, при помощи которыхъ бубень и держится въ рукѣ; при сильныхъ и быстрыхъ движеніяхъ, производимыхъ шаманами во время призванія боговъ, всѣ погремушки гремятъ, самъ бубень, при ударѣ въ него, издаетъ отчетливый рѣзкій звукъ, особенно если предварительно его подержать нѣсколько времени надъ огнемъ; и вотъ эти-то звуки пріятны богамъ и на нихъ то они идутъ сообщать свою волю качающемуся часто подъ конецъ плясокъ въ судорогахъ шаману, который произноситъ въ это время несвязные звуки, съ благоговѣніемъ ловимые окружающими и дающіе имъ лишній поводъ изощрять свою изобрѣтательность на ихъ истолкованіе и на прославленіе своихъ боговъ. Всего чаще призывается *міръ суснэ Хумъ*, какъ такой богъ, который завѣдуетъ всѣми людьми и который стоитъ къ нимъ ближе всѣхъ; для его призванія чаще всего пользуются ночами, когда онъ совершаетъ свой бѣздъ вокругъ земли; для этого въ жилищѣ, гдѣ происходитъ гаданье, тушатъ огонь; шаманъ ударяетъ нѣсколько разъ въ бубень и затѣмъ все смолкаетъ и наступаетъ гробовая тишина, среди которой будто-бы явственно слышится конскій топотъ, оканчивающійся трескомъ, указывающимъ на входъ бога въ жилище, послѣ котораго вскорѣ все прекращается, и шаманъ, распростертый часто на полу, начинаетъ сообщать то, что ему говорилъ богъ; очень часто

передъ жилищемъ на это время предварительно ставится нѣсколько серебряныхъ или вообще металлическихъ тарелочекъ для того, чтобы божій конь могъ стоять не на голой землѣ или снѣгу.

Иногда обрядъ шаманства происходитъ такъ: шаманъ садится на переднее мѣсто, задомъ къ народу, причемъ передъ собой никого не сажаетъ, беретъ топоръ и подвѣшиваетъ его остриемъ кверху за шнурокъ, протянутый отъ ручки до клинка, на согнутые четыре пальца правой руки и указательный—лѣвой; начинаетъ качать его и потихиньку нашептывать, затѣмъ уже и объявляетъ волю бога; иногда вмѣсто топора употребляютъ ножъ, а лучше всего старинную шпагу.

Шаманять еще и такъ: берется небольшая скамейка, подъ нее кладется топоръ или ножъ, на нее ставится шкатулка съ богами и ихъ приношеніями и шаманъ приступаетъ къ нашептыванію и производству разныхъ движеній около скамейки; черезъ нѣсколько времени онъ заставляетъ того инородца, которому онъ шаманить, приподнять шкатулку; если она подымается въ первый разъ легко, во второй трудно, въ третій—еще труднѣе, а въ четвертый легко, то успѣхъ будетъ полный; если нѣтъ, то плохо. Кромѣ этого поступаютъ еще и слѣдующимъ образомъ: въ темную ночь, въ жиле какого-нибудь богатаго инородца собирается народъ—и мужчины, и женщины; шаманъ кладетъ металлическую доску на полъ, на нее стрѣлы съ желѣзными наконечниками и начинаетъ призывать бога, ударяя этими стрѣлами по доскѣ; черезъ нѣсколько времени жиле содрогается, потолокъ около чувала расползается и является *мирг-суснэ-хумъ*, который указываетъ на свое появленіе ударами стрѣлъ по доскѣ; иногда при этомъ онъ мучитъ шамана, и настолько сильно, что онъ падаетъ замертво, при чемъ стрѣлами бываетъ, будто бы, истыкано все его тѣло; зажигать при этомъ огонь нельзя, иначе обмершій, валяющійся въ судорогахъ, шаманъ обязательно умретъ и при томъ немедленно; разъ у одного шамана стрѣла прошла, по его рассказу, отъ сердца до пятокъ и онъ остался цѣлъ и невредимъ,

даже еще здоровѣе сталъ. Разъ во время оспы у одного остяка погибла вся семья и, наконецъ, онъ самъ захворалъ: призываетъ онъ шамана, тотъ начинаетъ бить въ бубень, шептать что-то про себя, наконецъ начинаетъ плясать; вертится и кружится всю ночь, потомъ объявляетъ, что остякъ умретъ, такъ какъ онъ не любитъ правды, и хотя на другой день больному стало лучше, такъ что онъ могъ даже рассказать, какъ у шамана, который въ одну изъ пере-мѣнъ гаданья ѣлъ, изо рта лѣзли маленькіе люди съ острыми головами, т. е. *Моэнисы*, но, дѣйствительно, онъ все-таки умеръ. Насколько вѣрятъ въ той мѣстности разнымъ фокусамъ шамановъ можно видѣть, напри-мѣръ, изъ такого случая, переданнаго мнѣ нѣсколькими русскими, принимающими его за безусловную истину; разъ остякъ сталъ бороться съ русскимъ, его не поборолъ, а руку себя испортилъ; тогда въ тотъ-же день вечеромъ собрались шаманы и шаманили всю ночь; на другой день одинъ шаманъ приходитъ къ русскому торговцу и проситъ у него нѣсколько аршинъ разноцвѣтнаго сукна, какъ бы въ даръ богамъ, въ благодарность за то, что больной вполне выздоровѣлъ, и хотя утромъ можно было видѣть, что больная рука насквозь проткнута во время шаманства узкимъ ножомъ, и что изъ раны шла обильная кровь, но вечеромъ не было и слѣда, не только крови, но и самой раны.

Званіе шамановъ довольно выгодно, немудрено поэтому, что есть не мало охотниковъ, которые не прочь сдѣлаться ими, но, какъ я уже говорилъ, званіе это болѣе или менѣе наследственно, а затѣмъ оно соединено съ нѣкоторыми обязанностями, которыя, главнымъ образомъ, заключаются въ умѣніи продѣлывать разные фокусы и въ нервности натуры; между шаманами встрѣчаются такіе, которые славятся на нѣсколько сотъ верстъ въ окружности и которые приглашаются, въ случаѣ необходимости, богатыми инородцами.

Врачебная дѣятельность шамановъ сводится опять-таки къ призыванію боговъ, къ нашептыванію и даванію нѣкоторыхъ средствъ, про которыя установилось мнѣніе, что они

полезны. Въ настоящее время, когда существуетъ медицинская помощь, хотя и слабая, ввидѣ немногихъ докторовъ и фельдшеровъ, инородцы, вообще большіе любители лѣчиться, берутъ у нихъ всевозможныя лѣкарства, особенно касторовое масло, хину, желѣзный купоросъ (для присыпки ранъ), свинцовую примочку (при болѣзни глазъ), и т. д.; но помимо такихъ средствъ у нихъ существуютъ и свои. При всѣхъ болѣзняхъ прежде всего обращаются къ шаманамъ съ просьбою узнать у боговъ, отъ чего то или другое лицо заболѣло, такъ какъ, по мнѣнію инородцевъ, всякая болѣзнь насылается богами и есть признакъ ихъ недовольства тѣмъ человекомъ, который заболѣлъ; шаманы прежде всего заставляють принести какую-нибудь жертву, состоящую изъ оленей, одежды и шкурокъ, затѣмъ даютъ пить нашептанныю воду, водку, кровь; мажутъ рыбимъ жиромъ и оленьимъ или, еще чаще, медвѣжьимъ саломъ; окуриваютъ бобровой струей или березовой и лиственничной накипью, трутъ медвѣжьимъ клыкомъ, и т. д. Одни и тѣ-же средства употребляются, большею частью, при разныхъ болѣзняхъ; только когда болитъ желудокъ, тогда всегда даютъ внутрь съ водой или съ водкой порошокъ, наскобленный съ медвѣжьего клыка, или настой изъ лиственничной накипи, употребляемый также и при страданіяхъ грижи; при сифилисѣ пьютъ настой, сдѣланный изъ одной травы—*мосъ хумъ сахы*, растущей въ верховьяхъ горныхъ рѣчекъ; при болахъ спины и зубовъ натирають больныя мѣста медвѣжьимъ зубомъ и иногда посыпають соскобленнымъ съ него порошокомъ; другихъ какихъ-нибудь еще определенныхъ средствъ не имѣется: всякій лѣчитъ и лѣчится по собственному усмотрѣнію.

Шаманы являются, понятно, главными сторонниками и защитниками язычества, которое наряду съ пьянствомъ въ настоящее время является одною изъ главныхъ причинъ обѣдненія инородцевъ, такъ какъ всякое призываніе бога, всякое гаданіе соединено съ большими наустройство жертвоприношеній затратами; тѣмъ болѣе, что шаманъ нерѣдко предъявляетъ боль-

шія требованія: говорить, что богъ требуетъ, напимѣрь, пятокъ собольихъ шкурокъ, кусокъ краснаго сукна, пять фунтовъ мѣдныхъ украшеній и тому подобныхъ вещей, т. е. болѣе или менѣе цѣнныхъ, или что онъ желаетъ получить въ жертву оленя или лошадь съ какимъ-нибудь пятномъ на головѣ, спинѣ или ногѣ, и инородецъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не исполнить приказаннаго: пойдетъ въ работу, продастъ все, что у него есть, но добьется своего и воля бога или, вѣрнѣе сказать, прихоть шамана будетъ исполнена; даже въ случаѣ смерти больного, надъ которымъ шаманили, родственники умершаго считаютъ своимъ долгомъ исполнить всѣ предъявленныя требованія; если-же больной выздоравливаетъ и не въ состояніи сейчасъ-же исполнить требуемой богами жертвы, то онъ дѣлаетъ изъ бересты изображенія оленя, лошади и т. д., кладетъ ихъ въ свою шкатулку и держитъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока все не будетъ исполнено; тогда эти изображенія сжигаются. Что касается собственно до изображеній идоловъ, то, какъ уже было сказано, они дѣлаются изъ дерева, изъ металла и очень рѣдко изъ кости; идолы общественныя, преимущественно, вырѣзаются въ деревьяхъ, продолжающихъ еще расти; идолы-же домовые и частныя представляють изъ себя часто просто совершенно не обдѣланныя палочки, обернутыя шкурками или платками; въ послѣднее время инородцы стали пріобрѣтать у зырянъ и у русскихъ простыя дѣтскія игрушки и признавать ихъ за изображенія своихъ боговъ въ настоящемъ ихъ видѣ или въ томъ, какой они иногда принимаютъ, являясь людямъ и какой у нихъ былъ въ то время, когда они боролись между собой и съ разными богатырями и великанами. При такомъ превращеніи русскихъ игрушекъ въ изображенія инородческихъ боговъ не происходитъ какой-нибудь церемоніи, а просто вещь кладется въ ту шкатулку, гдѣ обыкноно хранятся священные предметы — изображенія боговъ, одѣтыхъ каждый въ свою одежду, или въ свой платокъ, и этого вполне достаточно для признанія ихъ священными и для поклоненія имъ. При раскопкахъ ста-

рыхъ могилъ приходилось иногда находить маленькія литыя изображенія фигуръ человѣческихъ, птичьихъ и какихъ-то звѣринныхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя извѣстны подъ названіемъ чудскихъ и которыя въ большомъ количествѣ находятся также въ Приуральскомъ Краѣ, особенно въ его сѣверной части; по рассказамъ стариковъ, эти изображенія не дѣлались на мѣстѣ, а откуда-то привозились и почитались какъ идолы.

По вѣрованіямъ Маньзовъ, на небѣ живутъ три бога, изъ которыхъ два имѣютъ золотые дома, расположенные выше облаковъ; имъ прислуживаютъ существа, подобныя людямъ, но никогда не бывавшія на землѣ. Главный богъ, родоначальникъ прочихъ—*корсь торумъ*, видъ котораго совершенно неизвѣстенъ, такъ какъ изъ людей его никто не видалъ и если про него знаютъ кое-что, то это благодаря только другимъ богамъ, имѣющимъ довольно частыя сношенія съ землей; самъ онъ на землю никогда не сходитъ и только въ случаѣ необходимости посылаетъ своего старшаго сына—*нуми торумъ*, *яныль торумъ* или *войканъ торумъ* посмотрѣть, что дѣлаютъ люди и обо всемъ донести ему. *Нуми торумъ*, по наружности подобный человѣку, весь блеститъ, какъ золото, отъ роскошной одежды, но оружія при себѣ, какъ и его отецъ, никогда не имѣетъ; разъ въ мѣсяцъ, или не много рѣже, онъ спускается на бѣломъ конѣ на землю, осматриваетъ все, записываетъ, что дѣлаютъ люди и затѣмъ свои наблюденія передаетъ для разбора своему младшему сыну—*миръ суснэ хумъ*; со своими просьбами люди чаще всего обращаются къ нему, особенно если это касается дождя, снѣга, холода и тепла; тогда онъ приказываетъ исполнить человѣческую просьбу своему младшему брату—*сяхылъ торумъ*, живущему постоянно на черныхъ облакахъ и никогда ихъ не покидающему; даже во время богослуженія, если шаманы его и видятъ, то все таки сидящимъ на тучахъ; *сяхылъ торумъ*, имѣя человѣческую наружность, развѣзжаетъ по облакамъ на оленяхъ съ мамонтовыми рогами (?) и возитъ на нихъ воду; если олени залѣнятся, то онъ ихъ ударяетъ вожьей и такъ сильно, что свѣтъ

появляется, молнія заблестаетъ, олени начинаютъ рваться и при этомъ проливають изъ бочки воду; онъ жены не имѣетъ. У *нуми торумъ* семь сыновей, но дочерей, какъ и у *корсъ торумъ*, нѣтъ.

Про сыновей *нуми* рассказываютъ слѣдующее: когда они выросли, отецъ спустилъ ихъ съ неба, но они начали обижать жившихъ въ то время богатырей и многихъ изъ нихъ перебили; видитъ *нуми*, что дѣло не хорошо, спустился самъ съ неба, собралъ дѣтей и говоритъ имъ: «пріѣзжайте завтра утромъ ко мнѣ и кто первый привяжетъ своего коня къ серебряному столбу, находящемуся у дома, тотъ будетъ старшимъ не только надъ людьми, но и надъ своими братьями». Самъ поднялся на небо, а на другой день раньше всѣхъ пріѣхалъ самый младшій — *миръ суснэ хумъ*. Отецъ исполнилъ свое обѣщаніе и велѣлъ другимъ сыновьямъ почитать его за старшаго, а людямъ за главнаго руководителя и судью; сыну же приказалъ заботиться о людяхъ и стараться, чтобы они жили какъ можно тише. По прошествіи года *нуми* хотѣлъ посмотрѣть, какъ управляетъ его сынъ землю, спустился съ неба и видитъ, что всего у людей въ изобиліи и бѣдныхъ совсѣмъ нѣтъ. Не понравилось это ему и говоритъ онъ сыну: «Зачѣмъ ты даешь всего такъ много людямъ — они ни въ чемъ не нуждаются, а это не хорошо: они сдѣлаются гордыми и не будутъ, въ случаѣ нужды, помогать другъ другу; пусть будетъ, на примѣръ, у одного маньза пять-шесть рыбъ, у другого — одна-двѣ; у одного русскаго — три-четыре чашки муки, у другого — одна-двѣ». Послѣ этого вернулся на небо, а *миръ суснэ хумъ*, вмѣсто того, чтобы дать пять-шесть рыбъ, далъ пять-шесть амбаровъ ея; вмѣсто трехъ-четырехъ чашекъ муки, — три-четыре громадныхъ мѣшка; и зажили тогда люди еще лучше прежняго и стали всѣ благодарить за это виновника своего благополучія. Во время смутнаго періода — борьбы другъ съ другомъ и богатырями — *миръ суснэ хумъ* принималъ въ минуты опасности видъ гуся и улеталъ; этимъ и объясняются такъ часто встрѣчающіяся среди священныхъ пред-

метовъ изображенія гусей, сдѣланныя изъ золота, серебра или другого металла; обыкновенно-же у него видъ человѣка, имѣющаго на головѣ шапочку изъ разноцвѣтнаго сукна съ собольей, лисьей или другой какой-нибудь мѣховой оторочкой; онъ женатъ, имѣетъ дѣтей и его главнымъ мѣстопробываніемъ считается священное урочище около Троицкихъ юртъ на Оби, куда обязательно каждый инородецъ въ три года разъ съѣздить, а если не можетъ, то присылаетъ дары. Когда во время своихъ объѣздовъ *міръ суснэ хумъ* желаетъ спуститься на землю, то его прислужники предварительно ставятъ для ногъ коня четыре металлическихъ тарелочки съ изображеніемъ перѣдко солнца. Для оправданія себя въ неумѣренномъ пьянствѣ и нюханіи табаку, инородцы теперь стали говорить, что *міръ суснэ хумъ* всегда имѣетъ въ правой рукѣ бутылку водки, а въ лѣвой табакерку; поэтому когда начинаютъ пить, то, откупоривши бутылку, обязательно наливаютъ стаканы и ставятъ его временно на священную шкатулку; эту водку впоследствии выпиваетъ хозяинъ жилья; иногда часть водки выплескиваютъ и въ огонь, какъ даръ покровителямъ огня — *наимъ-одыръ*; покровителями огня вообще считаются *нуми*, его семь сыновей и *сяхылъ торумъ*.

Самый старшій сынъ *нуми*—это *полумъ торумъ*, живущій вмѣстѣ съ женой и дѣтьми на рѣкѣ Полумѣ въ отлично выстроенномъ деревянномъ домѣ. Онъ завѣдуетъ рыбой, птицей и звѣремъ, какіе только существуютъ какъ на этой рѣкѣ, такъ и на сосѣднихъ. Видѣтъ его, какъ и другихъ боговъ, могутъ только одни шаманы; наружность у него человѣческая, но прежде, во время борьбы, онъ принималъ видъ семивершинной березы, которая, въ воспоминаніе прошлаго, стоитъ и до сихъ поръ на Полумѣ; къ ней на поклоненіе стекается ежегодно не мало маньзовъ.

Второй сынъ *нуми* — *асъ толмаъ торумъ* или *асъ яхъ торумъ*—живетъ вмѣстѣ съ семьей въ морѣ, изъ котораго вытекаетъ Обь; у него тамъ построенъ хорошій деревянный домъ; завѣдуетъ онъ всей обской рыбой, птицей и звѣремъ; во время

богослуженія шаманамъ представляется въ человѣческомъ видѣ, верхомъ на бѣлой лошади, безъ всякаго оружія, какъ впрочемъ и всѣ остальные боги; въ смутное-же время принималъ наружность одной изъ чаекъ—*кари нѣрыхъ*.

✓ Третій сынъ—*нѣръ ойка* или *нѣръ торумъ* живетъ на Елбынь-нѣрѣ вблизи Елбынь-тура, т. е. священнаго озера, находящагося недалеко отъ истоковъ сѣверной Сосьвы при Малой Сосьвѣ; у него тамъ находится каменный домъ, въ которомъ онъ и проводитъ время вмѣстѣ съ женой—*нѣръ эва* и дѣтьми—*нѣръ няурамъ*; онъ считается хозяиномъ и покровителемъ оленьихъ стадъ и отъ него зависитъ, сколько кому ихъ дать; для лучшаго присмотра въ его распоряженіи находится множество прислужниковъ и пастуховъ, которыми до потопа (о немъ будетъ рѣчь дальше) были, какъ и у другихъ боговъ, богатыри, а теперь люди наименѣе грѣшныя—угодные богу, сдѣлавшіеся совершенно чистыми послѣ смерти. *Нѣръ ойка* довольно часто подвергался нападеніямъ богатырей, такъ какъ онъ очень богатъ, но онъ отражалъ всѣ нападенія и многихъ убивалъ, такъ что *нуми*, узнавъ объ этомъ, запретилъ ему проливать кровь; тогда онъ сталъ всѣхъ превращать въ камень и до настоящаго времени на Уралѣ существуетъ еще семь каменныхъ изображеній богатырей, пре вращенныхъ въ камень за ихъ дерзкое намѣреніе ограбить его стада. Изображеніе этого бога разъ въ три года возятъ къ *полумъ торумъ*, чтобы дать имъ возможность, какъ братьямъ пови-
даться.

Четвертый — *аутья одыръ* живетъ на обской губѣ при взморьѣ, имѣетъ видъ щуки и завѣдуетъ морской рыбой. Каждый годъ раннею весною онъ идетъ, принимая человѣческій видъ, на небо къ отцу и получаетъ отъ него приказаніе, сколько кому дать рыбы въ продолженіе наступающаго года. Записавши сказанное, онъ возвращается назадъ, идетъ въ море, къ морскому царю — *витъ хонъ* и говоритъ ему, сколько онъ долженъ отпустить рыбы изъ своихъ владѣній; затѣмъ позднею осенью онъ отправляется самъ или посы-

даетъ своихъ слугъ къ брату—*асъ толахъ торумъ*,—живущему въ морѣ при низовьяхъ Оби, какъ о томъ уже было сказано, и спрашиваетъ, вся-ли назначенная рыба поймана и, если не вся,—то отчего; отъ того-ли, что вырвалась изъ сѣти, изъ камги; подрыла-ли запоры или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ; тогда вся эта рыба, какъ предназначенная уже къ поймкѣ, выбрасывается на берегъ.

Пятый сынъ—*аясъ торумъ* прежде имѣлъ свое мѣстопробываніе тамъ, гдѣ теперь въ Березовѣ находится Богородицкая церковь, но затѣмъ былъ перенесенъ на другую сторону рѣки. Въ смутное время, какъ и *аутья одырзъ*, онъ не воевалъ, хотя и обладаетъ способностью мѣнять свой видъ—человѣческой на лебединый. Женатъ онъ на дочери великана, жившаго около моря при устьѣ Оби, причемъ эту свадьбу устроилъ его младшій братъ, называвшійся прежде *пурипане хурипъ хумитенъ*, а послѣ *тахъитъ котль торумъ*, и принимающій, въ случаѣ необходимости, видъ ястреба. Дѣло было такъ: захотѣлось *аясъ торумъ* жениться, а жены достать себѣ не можетъ, тогда братъ и рѣшилъ ему помочь; превратился въ ястреба, захватилъ съ собою лебедя и полетѣлъ въ тотъ городокъ, гдѣ жила намѣченная невѣста; нашли домъ, познакомились съ отцомъ, понравились ему, стали пировать, а во время пира невѣста и убѣжала; они погнались за ней, а она спряталась въ городкѣ при устьѣ Казыми; они туда, разрушили городокъ, но она успѣла перебѣжать въ другой—Полноватскій; разрушили и этотъ, но ее всетаки не нашли, такъ какъ она скрылась опять на Казыми, только въ ея верховья, гдѣ и спряталась въ крѣпкомъ домѣ одного богатыря, имѣющаго семь сыновей; стала она ихъ уговаривать украсть у *тахъитъ котль торумъ* его кольчугу, въ которой будто-бы у него и заключается вся сила; услыхалъ онъ это, разсердился, сбросилъ съ себя кольчугу и все оружіе и въ одной рубашкѣ пошелъ къ дому, разломалъ его, схватилъ всѣхъ богатырей за волосы, сталъ ихъ бить, наконецъ, ударяя голова объ голову, всѣхъ перебилъ; остался

только одинъ отецъ, который, превратившись въ тетерева, полетѣлъ къ нуми просить защиты, но *тахытъ котль торумъ* догналъ его у порога отцовскаго дома и кричить отцу: «Отецъ, не отпирай, а то я окровавлю порогъ твоего золотого дома». Не отворили тетереву дверей, полетѣлъ онъ книзу, но ястребъ его догналъ и растерзалъ; такъ и до сихъ поръ ястребъ терзаетъ тетеревей; послѣ этого невѣста была поймана и ее повезли съ собой домой, гдѣ и стали жить, только вскорѣ по приѣздѣ, *тахытъ котль торумъ* и говорить *аясъ торумъ*: «Хотя я тебѣ и досталъ жену, но ты съ нею не справишься; дай—я ее поучу». Сдѣлалъ два толстыхъ и длинныхъ прута, одинъ желѣзный, другой свинцовый, привязалъ ее къ двумъ столбамъ за голову и ноги и сталъ бить; билъ до тѣхъ поръ, пока всѣ прутья не изломались; тогда полѣзли изъ нея всякія змѣи, лягушки, пауки, муравьи и много другихъ нечистыхъ существъ; послѣ этого онъ ее отвязалъ и передалъ брату, говоря: «Ну, теперь владѣй сю—она будетъ покойной женой, а то, еслибы я этого съ нею не сдѣлалъ, тебѣ съ ней не совладать-бы».

И дѣйствительно, послѣ этого она стала отличной женой и перестала обращаться въ сороку, что дѣлала прежде, особенно когда спасалась отъ преслѣдованій жениха. Кстати сказать, когда она перебѣгала изъ одного городка въ другой, то съ цѣлью привлечь на свою сторону мужчинъ, переходила каждую ночь изъ дома въ домъ и предоставляла себя въ полное распоряженіе хозяина жилья.

Въ виду того, что *аясъ торумъ* даже жены себѣ не сумѣлъ достать, ему ничего и не дано въ управленіе, и онъ живетъ, ничего не дѣлая, въ деревянномъ домѣ, расположенномъ въ лѣсистой мѣстности.

Что касается до ^{Идеи} седьмого сына нуми *торумъ тахытъ котль торумъ*, то про него рассказываютъ слѣдующее: на лѣвомъ берегу Сѣверной Сосьвы, въ верстахъ двадцати двухъ ниже Сартыни, была группа листовенничныхъ деревьевъ и здѣсь жилъ одинъ богатырь, по имени *тахытъ котль*

ойка, со своей женой; онъ былъ очень силенъ, но мирнаго характера и поэтому въ то время, когда другіе богатыри дрались, онъ сидѣлъ дома и все работалъ въ своей кузницѣ топоры, ножи и другія металлическія вещи; за это его богъ и наградилъ: однажды пошелъ онъ ловить рыбу, поймалъ только одного налима, принесъ домой, разрѣзалъ его, смотреть въ кишкахъ сидитъ живая лягушка; взялъ онъ ее, сталъ разсматривать, вдругъ она заплакала, какъ малый ребенокъ; догадался онъ тутъ, что дѣло не простое; устроилъ поскорѣе люльку, положилъ туда лягушку и сталъ вмѣстѣ съ женой качать, и превратилась лягушка въ ребенка, который началъ такъ быстро расти, что въ три дня превратился въ большаго человѣка—въ сильнаго богатыря; былъ это никто иной, какъ сынъ *нуми*, называвшійся прежде *нурипанэ хуринъ хумитенъ*, а послѣ получившій по своему воспитателю названіе *Тахътъ котль торумъ*. Не понравилось ему то мѣсто, гдѣ жилъ старикъ, перевелъ онъ его вмѣстѣ со старухой на другую сторону и построилъ деревянный городокъ, который сталъ называться *усъ нѳль* (мѣсто это и теперь сохраняетъ свое старинное названіе). Узнали другіе богатыри, что появился у нихъ новый соперникъ, собрались и рѣшили идти противъ него; всего было ихъ шестьдесятъ человѣкъ и шли они подъ предводительствомъ *туя хотанъ норхъ лу румате*; онъ всѣхъ ихъ перебилъ, отрубилъ имъ головы, снялъ, по обычаю богатырей, скальпы и положилъ ихъ тѣла поперекъ рѣки, оставивъ лишь небольшой проходъ для лодокъ, шириною 8—10 саженей, немного ниже впаденія Елбынъ-я; по прошествіи нѣкотораго времени противъ него собрался войной *мэнивъ-дьяволъ*, пришедшій съ моря, перебившій и съѣвшій уже не мало богатырей; онъ хвасталъ, что убьетъ и *тахътъ котль торумъ* и сядетъ на его мѣсто. Испугался тотъ, пошелъ къ отцу — *нуми* и просить его помочь ему, а тотъ его спрашиваетъ: «Чего-же ты такъ испугался?» «Да какъ не испугаться, когда онъ блеститъ, какъ золото, (а у него одежда была золотая) и когда онъ такъ многихъ перебилъ.» Ничего

не сказалъ ему отецъ и велѣлъ идти назадъ. *Мэнквэ* подходитъ все ближе и ближе, и *тахытэ котль торумэ* все болѣе труситъ и опять началъ просить помощи у отца, наконецъ тотъ ему и говоритъ: «Если ты такъ боишься, то знай, что у *мэнквы* въ груди подъ шей есть кусочекъ человѣческаго мяса, туда и стрѣлай». Обрадовался онъ такому совѣту, взялъ лукъ, который у него былъ такой тяжелый, что его съ трудомъ могли нести восемь человѣкъ, натянулъ его и сталъ ждать приближенія *мэнквы*. Когда тотъ, идя посерединѣ рѣки и смотря прямо впередъ, подошелъ довольно близко, *тахытэ котль торумэ* и закричалъ ему: «Ойка, посмотри, кто идетъ за тобой». *Мэнквэ* повернулъ голову и сталъ смотрѣть назадъ; этимъ воспользовался *тахытэ котль торумэ*, спустилъ тетиву и стрѣла съ страшною силою вонзилась въ *мэнкву*, который тутъ-же и упалъ, разсыпавшись на части. Умирая, онъ кричалъ: «охуръ, охуръ», и отъ крику его разверзлась земля, потекла вода, положившая начало рѣчкѣ, которая до сихъ поръ зовется *охуръ-я*; одну его ногу унесло внизъ и она образовала у Собаклоптѣ плесо—*несь луволь*; его опояска пересѣкла Сосьву и образовала двѣ рѣки, одна противъ другой, съ общимъ названіемъ — *энданэ оуль-я*; изъ дорожнаго мѣшечка—*уля сактасэ* сдѣлался повыше *энданэ оуль-я* островъ *уля хурыхэ тумнэ*; изъ ноженъ тоже островъ еще выше—*сыпаль тумнэ*; изъ веревки, которою ножны прикрѣплялись къ поясу, островъ подъ названіемъ *сыпаль порхэ куамыхэ тумнэ*, изъ сердца — *симэ тумнэ*, изъ туловища — *порхэ тумнэ*, изъ головы — *пулэ тумнэ*; противъ *уля хурыхэ тумнэ* съ правой стороны течетъ рѣка—*моль намнэ-я*, которая въ устьѣ широка и носитъ названіе *кач-хурыхэ*, затѣмъ выше она совершенно пряма — *кокэ*, и наконецъ, образуетъ опять расширеніе *войзимхэ*, за которымъ начинается течъ извиристо; недалеко отъ Собаклоптѣ справа есть озеро — *моль намнэ турэ*, которое представляетъ изъ себя чрево *мэнквы*.

Вслѣдствіе всего сказаннаго понятно, почему это мѣсто до сихъ поръ почитается настолько, что женщины не могутъ

даже туда ѣздить. Во время ѣзды сюда на поклоненіе, спать, хотя бы и въ продолженіе трехъ дней, не дозволяется; по приѣздѣ на мѣсто привезенныя вещи отдается шайтанщику, — хранителю вещей шайтана, сдѣланнаго въ честь *тахытэ котль торумэ*, причѣмъ онъ одинъ уже и относитъ ихъ въ амбары, окруженные настороженными луками и капканами, такъ что незнающему человѣку пройти тамъ, не рискуя ежеминутно разстаться съ жизнью, невозможно; въ одномъ изъ амбаровъ хранится и самъ шайтанъ, имѣющій видъ грубообтесаннаго человѣка, богато разукрашеннаго разными блестящими и гремящими предметами; подалеже немного отъ амбаровъ есть дерево, кругомъ обставленное желѣзными стрѣлами, и всякій ивородецъ необходимо долженъ принести въ жертву хотя одну стрѣлу и нѣсколько денегъ. Проѣзжая мимо этого мѣста, особенно противъ Елбынъ-я, въ воду всегда бросаютъ деньги; здѣсь можно только грести веслами, но не отпихиваться шестами или тянуться бичевой; если-же вслѣдствіе бури лодка засядетъ на каменной косѣ — *алтысь урэ*, представляющей изъ себя вообще могильную память, поставленную *тахытэ котль торумэ* надъ *мэнквомэ* для того, чтобы память объ этомъ сохранилась на вѣчныя времена, то въ воду бросаютъ для умилоствленія котель, а также что есть изъ съѣстныхъ припасовъ.

Успѣхъ надъ *мэнквомэ* сдѣлалъ то, что *тахытэ котль торумэ*, носящій также названіе *магарэ торумэ* и *матармыль оле торумэ*, сталъ сильно бить богатырей и настолько полюбилъ войну, что сталъ являться вездѣ, гдѣ только была драка, и, наконецъ, его стали приглашать въ видѣ союзника почти во всѣхъ войнахъ; это разсердило отца и онъ велѣлъ ему быть ниже всѣхъ братьевъ и ничѣмъ не завѣдывать кромѣ мѣсть, расположенныхъ вблизи его деревяннаго жилища, въ которомъ онъ живетъ съ женой и дѣтьми.

Про самого младшаго сына — *мірэ суснэ хумэ*, мастера или *эва пырысь*, мы уже говорили.

Про сыновей *нуми* мнѣ приходилось слышать не разъ такой разсказъ: когда нуми спустилъ ихъ на землю, то, про прошествіи нѣкотораго времени, младшіе братья стали замѣчать, что старшій изъ нихъ *полумъ торумъ* началъ какъ-то задумываться; имъ это показалось подозрительнымъ и они приступили къ нему съ разспросами, отчего это и не думаетъ-ли онъ ихъ перебить. Онъ отвергъ такого рода предположеніе, указавъ на то, что они ему кровные братья, но сознался, что ему хочется воевать; такъ какъ безъ позволенія отца онъ этого сдѣлать не могъ, то обратился къ нему съ просьбой, но получилъ отказъ; такъ повторялось еще два раза, хотя въ послѣдній разъ, онъ выставилъ причину, что необходимо достать невѣсту для *асъ толахъ торумъ*; тогда онъ рѣшилъ съ *асъ толахъ торумъ* идти потихонько на одинъ татарскій городокъ, расположенный на Иртышѣ немного ниже Демьянска, гдѣ у богатыря была дочь; этотъ городокъ былъ такъ расположенъ и такъ укрѣпленъ стѣною, что бѣлка не могла взойти; тѣмъ не менѣе они всетаки при помощи желѣзныхъ когтей влѣзли, убили богатыря, но дочь его въ это время такъ хватила за волосы *асъ толахъ торумъ*, что почти всѣ ихъ вырвала; разсердился на это *полумъ торумъ*, взялъ ее за плечи и бросилъ въ Иртышъ, говоря: «Будь ты проклята, превращайся въ сорогу-сырка (*Salmo Vimbu*) и питайся съ этихъ поръ лишь жидкими и твердыми человѣческими испраженіями». Послѣ этого вернулись домой и оставшіеся братья и спрашиваютъ, гдѣ невѣста. «*Кую* отдали учить, чтобы умнѣе и хитрѣе была», отвѣчалъ *полумъ-торумъ*, но послѣ прибавилъ: «Нѣтъ, это я шучу—она ѣдетъ на лодкѣ вмѣстѣ со своимъ приданнымъ позади насъ». Братья, конечно, ея не дождались и всѣ объясняли тѣмъ, что она утонула, что было, конечно, очень выгодно для *полума* и *асъ толахъ*, иначе пришлось бы имъ не мало ссориться съ братьями, которые желали имѣть невѣстку.

Жена *Ауми* и мать всѣхъ его семи сыновей называется *сянь торумъ* или *калтысь торумъ*. Послѣ того какъ она по-

дарила своему мужу шесть сыновей, онъ сталъ замѣчать, что она начала вести жизнь нехорошую и близко сошлась съ однимъ изъ небесныхъ прислужниковъ; разсердившись на это, онъ бросилъ ее на землю и она при паденіи родила *миръ сусне хумъ*. Упала она вблизи Калтысьянскихъ юртъ, гдѣ и поселилась, воспитывая своего сына, который затѣмъ перешелъ въ Троицкія юрты. Въ наказаніе за дурное поведеніе *нуми* запретилъ ей подыматься на небо и рѣшилъ самъ къ ней не ѣздить, но, помня ея прежнюю хорошую жизнь, онъ поручилъ ей слѣдить за родами и назначать по собственному выбору, кому жить много, кому мало, кому быть богатымъ, кому бѣднымъ; вообще, поручилъ ей слѣдить за будущностью каждаго человѣка отдѣльно; вслѣдствіе этого ее въ высшей степени почитаютъ и къ ней на поклоненіе пріѣзжаютъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ; для облегченія ея занятій, *нуми* разрѣшилъ ей имѣть писарей, которые записывали-бы все, что только она говоритъ; она имѣетъ видъ старухи въ собольей ягушѣ, покрытой шелковымъ платкомъ; своей наружности она никогда не мѣняетъ и изъ своего мѣстопробыванія нигде не выѣзжаетъ.

Кромѣ этой богини признается еще одна женщина—дочь одного изъ богатырей, именно *тахытъ котль ойка*; сводная сестра *тахытъ котль торумъ*, живущая около Хонгосанскихъ юртъ и особенно почитаемая за то, что, будучи очень доброй, она всегда заступаетъ за людей и ходатайствуетъ за нихъ передъ *сянъ торумъ* и *миръ сусне хумъ*; разъ въ три года ей приносятъ жертвы съ просьбой не забывать человеческого рода и не оставлять его своимъ заступничествомъ. Про нее рассказываютъ, что за ней разъ погнался одинъ богатырь съ Оби, хотѣлъ ее поймать и взять себѣ въ жены; она была на оленяхъ, онъ—тоже; вдругъ онъ видитъ, что оленій слѣдъ прекратился и замѣнился собольимъ, потому горностаявымъ и такимъ запутаннымъ, что много надо было труда разобратъся въ немъ; догадался онъ, что все это дочь *тахытъ котльойка* пугаетъ; не отсталъ, напалъ на вѣрный слѣдъ и

онъ его привелъ къ лиственницѣ, гдѣ въ корнѣ онъ замѣтилъ небольшое отверстіе; сталъ окапывать дерево со всѣхъ сторонъ, обрѣзалъ всѣ корешки, но ничего не нашелъ; такъ и вернулся ни съ чѣмъ; а она, оказывается, превратилась въ жучка и забилась между корнями, онъ не замѣтилъ ее и выбросилъ. Послѣ этого она приняла свой обычный видъ и поселилась на постоянное жительство въ Хонглосанахъ.

Про *сянь торумъ* рассказываютъ слѣдующее: когда она упала на землю и поселилась на ней, ей для услугъ былъ данъ бѣлый воронъ, котораго она ежедневно посылала смотрѣть, что дѣлается кругомъ, причемъ запрещала ему что-нибудь ѣсть въ дорогѣ; разъ онъ долго не возвращался домой и когда прилетѣлъ, то *сянь-торумъ* увидала, что онъ изъ бѣлаго превратился въ чернаго. Стала его распрашивать и оказалось, что онъ по дорогѣ встрѣтилъ падаль и наѣлся ея; тогда *сянь-торумъ* прокляла его, прогнала отъ себя и сказала, чтобы онъ всегда пользовался только случайными находками и питался-бы постоянно падалью, отъ чего онъ никогда не будетъ жиренъ и мясо его будетъ самымъ плохимъ изъ всѣхъ существующихъ птицъ. По мѣрѣ того какъ *миръ суснэ хумъ* подрасталъ, онъ все чаще и чаще сталъ приставать къ матери съ просьбой отпустить его поискать себѣ противника; мать его убѣждала подождать еще немного и хотя онъ соглашался, но такъ сердился, что при ходѣ отъ половицъ отскакивали щены, изъ которыхъ свободно можно было дѣлать блюда и чашки.

Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ, вышелъ потихоньку изъ дому, подошелъ къ одному мѣсту, гдѣ росъ старый лиственничный пенъ громадныхъ размѣровъ, толкнулъ его и изъ подъ него выскочилъ конь необыкновенной красоты и силы; тотчасъ-же вскочилъ на него и поѣхалъ кругомъ земли, объѣхалъ ее всю въ семь дней, вернулся домой и сталъ рассказывать матери, что онъ видѣлъ многихъ богатырей, многихъ изъ нихъ побилъ и что ему теперь хочется съѣздить на небо; для этого онъ отправился къ богатырю-кузнецу *тахытъ котль-ойка* и просилъ его придѣлать къ его лошади семь крыльевъ; тотъ

исполнилъ его просьбу и съ этихъ поръ *миръ суснэ хумз* сталъ летать по воздуху, небу, но добраться до неба ему не удалось: благодаря семи крыльямъ, полетъ лошади былъ очень неровенъ и она скоро себѣ попортила ихъ всѣ, такъ что ему кое-какъ удалось добраться опять до кузнеца, который поправилъ испорченныя крылья, а къ другой лошади, отнятой *миръ суснэ хумз* у одного богатыря, придѣлалъ уже восемь крыльевъ. На ней онъ поѣхалъ снова осматривать все, что только существуетъ во вселенной. Проѣзжаетъ онъ чрезъ одно мѣсто, видитъ стоитъ куча людей, больныхъ, изможденныхъ, плохо одѣтыхъ и спрашиваетъ у коня, что это такое. «Это—разныя болѣзни, насылаемая на людей». Поѣхали дальше: вдругъ *миръ суснэ хумз* сталъ замѣчать, что шерсть у его коня подымается, что онъ начинаетъ спотыкаться и не мчитъ уже такъ легко впередъ, какъ это было раньше; затѣмъ впереди сталъ слышаться какой-то шумъ, который чѣмъ ближе, тѣмъ все болѣе и болѣе сталъ походить на трескъ деревьевъ и на хлестанье вѣтвей. Наконецъ, конь остановился и спрашиваетъ своего сѣдока, знаетъ-ли онъ, что дѣлается впереди, и на его отрицательный отвѣтъ сказалъ: «здѣсь мѣсто, гдѣ наказываются люди, желающіе вредить другимъ; люди, которые завидуютъ сосѣдямъ и дѣлаютъ имъ разныя обиды; которые губятъ своихъ родныхъ и не помогаютъ въ несчастіи; здѣсь стоятъ три листовницы, которыя съ страшною силой хлещутся одна съ другой и между ними стоятъ наказываемые; если хочешь, поѣдемъ впередъ, только держись крѣпко и закрывай плотнѣе голову.» *Миръ суснэ хумз* согласился, конь помчался съ быстротою вѣтра, проскочилъ опасное мѣсто и остановился. *Миръ суснэ хумз* открылъ голову, оглянулся и увидалъ, что на хвостѣ у лошади остались части туловища одного русскаго и одного маньза, которые въ это время подвергались наказанію, остальное осталось между деревьями. Послѣ этого они поѣхали дальше и скоро приблизились къ одному дому, двери котораго охранялись медвѣдемъ и волкомъ; звѣри эти знали, кто съ какимъ намѣреніемъ проходитъ мимо

и поэтому однихъ, идущихъ съ какой-нибудь злой цѣлью, терзали, а другихъ свободно впускали въ домъ и даже очищали имъ одежду. Такъ-же ласково пропустили звѣри и *миръ суснэ хумъ*, но въ домѣ встрѣтившая его женщина стала браниться, что онъ испачкаетъ ее жилище и что ему необходимо прежде всего отправиться въ баню; онъ согласился и пошелъ. Баня была мѣдная и раскалена до красна, а вѣники желѣзные. Не хотѣлось *миръ суснэ хумъ* отказаться отъ своихъ словъ, вошелъ онъ въ баню и сталъ париться, прося мысленно мать выручить его изъ бѣды; она ему помогла, не замѣтилъ онъ соршенно жару и такъ парился, что даже не мало листиковъ отскочило отъ желѣзныхъ вѣниковъ. Вернулся чистый, по хозяйка, страшно удивленная его спасеніемъ, закричала, что сколько времени она ни живетъ, никогда ничего подобнаго не видала, но что все-таки она его не выпуститъ изъ дому; ушла и заперла его. Тогда лошадь сообщила ему черезъ дверь, что въ заднемъ углу дома есть за постелью дверь, которая ведетъ въ подземелье, гдѣ хранится у хозяйки красавица-дочь; пускай онъ ее возьметъ, затѣмъ выломаетъ подъ окномъ три бревна и выходитъ на волю; все такъ и было сдѣлано, и *миръ суснэ хумъ* съ красавицей быстро вскочилъ на коня и помчался впередъ; проѣзжая черезъ лѣсъ, *миръ суснэ хумъ*, по совѣту самой лошади, надѣлъ ей на переднія, заднія ноги и на морду берестяные колпаки, которые впоследствии оказались очень полезными. Мать, вернувшись домой и не найдя ни дочери, ни плѣнника, погналась за ними въ погоню; первый разъ когда она ихъ догнала, он схватила коня за заднія ноги, но онъ вырвался, оставивъ въ ея распоряженіи только бересту; во второй разъ—за переднія ноги, въ третій—за морду, но вездѣ повторилось то-же самое. Но этимъ погоня не кончилась; тогда конь говоритъ своему хозяину, нѣтъ-ли у него чего-нибудь въ рукахъ; тотъ не догадывается, и такъ до трехъ разъ; наконецъ сообразилъ, что у него плеть, ударилъ ею коня и онъ помчался выше лѣсу и далеко оставилъ за собою погоню. Сказать слово «плеть» лошадь не могла—запрещено

богомъ. Быстро подвигаясь впередъ, они домчались до потока, наполненнаго кипящей смолой, гдѣ, по словамъ лошади, мучились люди, умершіе искусственной смертью и предупредившіе такимъ образомъ волю бога; на берегу потока похищенная дѣвушка, которая успѣла уже полюбить своего похитителя, превратилась въ волосокъ (а она умѣла принимать разные виды), чтобы коню было легче черезъ него перепрыгнуть; миновавъ благополучно потокъ, они двинулись впередъ. Вдругъ впереди ихъ показался огонь, объѣхать который было нельзя; но конь говоритъ, что бояться нечего; пусть только онъ себя и дѣвучку покростъ одеждой и не смотритъ на то, что дѣлается кругомъ; такъ и было исполнено; только чувствуетъ *міръ суснэ хумъ*, что они ѣдутъ и все конца нѣтъ; тогда онъ потихоньку открылъ голову и тотчасъ-же ее спряталъ, такъ какъ увидалъ, что они мчатся по огненному морю; наконецъ, чрезъ семь дней это путешествіе кончилось и они вздохнули свободно. Огонь этотъ сѣверное сіяніе—*сизъ най тэъ* или *торумъ най тэъ* виденъ и до настоящаго времени и такъ какъ *міръ суснэ хумъ* съ конемъ были бѣлаго цвѣта, то поэтому въ немъ и замѣчаются бѣлыя полосы. Послѣ этого они подѣхали къ морю, гдѣ у самаго берега замѣтили дверь, ведущую въ подводное царство. Конь посоветовалъ *міръ суснэ хумъ* оставить дѣвучку съ нимъ, а самому спуститься къ морскому царю—*витъ хонъ* (домъ былъ его); но лишь только онъ услышитъ стукъ въ дверь, такъ необходимо немедленно оттуда уходить, иначе морской царь напуститъ на него разныхъ морскихъ чудовищъ. Входитъ онъ въ домъ, изумился царь, никогда къ нему до того времени никто не приходилъ,— и спрашиваетъ его, что ему надо; на это *міръ суснэ хумъ* отвѣтилъ, что онъ осматриваетъ всю вселенную и между прочимъ заѣхалъ въ его царство. Тогда сталъ *витъ хонъ* показывать ему свои богатства, наконецъ, отворилъ окошко и изъ него можно было увидать всѣхъ морскихъ рыбъ и чудовищъ. Въ это время послышался лошадиный стукъ и *міръ суснэ хумъ*, говоря, что ему необходимо посмотреть коня, быстро

поднялся наверхъ, вышелъ на свободу, сѣлъ на коня и поскакалъ домой, осмотрѣвъ такимъ образомъ вселенную и добывъ себѣ невѣсту.

Вернувшись домой, онъ увидалъ свою мать очень дряхлой старухой, потерявшей зрѣніе и память на столько, что она его даже не узнала. Тогда онъ ударилъ ее кулакомъ въ грудь и она превратилась опять въ молодую, но настолько небольшого роста, что кисти ея платка касались полу; тутъ она его признала, очень обрадовалась, что онъ вернулся изъ своего долгаго отсутствія и велѣла ему готовиться къ новому путешествію на небо къ отцу — *нуми*, чтобы получить отъ него власть надъ землей и надъ всемъ живымъ. Дѣйствительно, скоро *нуми*, утомленный постоянными распрями и ссорами, происходившими между его сыновьями, какъ объ этомъ уже было сказано, велѣлъ всѣмъ имъ явиться къ нему. Получивъ такой, приказъ *міръ суснэ хумъ* легъ, по совѣту матери, немедленно спать, затѣмъ она его разбудила, когда еще заря не потухала и велѣла немедленно летѣть на своей 8-ми крылатой лошади, уже вполнѣ готовой, на небо; онъ такъ и сдѣлалъ и явился первымъ къ дому отца, отъ чего и получилъ первенство надъ братьями, которыхъ онъ встрѣчалъ уже на обратномъ пути. Когда братья узнали о совершившемся, то стали негодовать на *міръ суснэ хумъ* и особенно старшій *полумъ торумъ*, который по праву рассчитывалъ занять первенствующее мѣсто; поэтому онъ отправился къ *міръ суснэ хумъ*, сталъ прежде всего его бранить, а послѣ началъ и драться; узнавъ про это, *нуми* немедленно послалъ своего крылатою прислужника — *тоумъ одыръ* — ихъ разнять и убѣдить *полума* помириться со своей судьбой. Слова *тоумя* не произвели никакого впечатлѣнія и тогда онъ предложилъ имъ порѣшить свою ссору такимъ образомъ: взять самую сильную и быструю лошадь, связаться другъ съ другомъ волосами, перекинуться чрезъ сѣдло и поскакать; кто прежде устанетъ и застонетъ отъ боли, тотъ и долженъ уступить; они согласились, сдѣлали все такъ, какъ было условлено, и побѣдителемъ изъ этого

вышелъ *миръ суснэ хумъ*; дѣлать *полуму* было нечего и онъ призналъ старшинство брата; хотя еще два раза пытался съ нимъ бороться, но опять безуспѣшно.

Послѣ этого *миръ суснэ хумъ* вернулся домой, гдѣ нашелъ мать снова сильно постарѣвшей, а домъ совсѣмъ обвалившимся; въ чувалѣ-же догорала послѣдняя искра и не было припасенныхъ дровъ; при входѣ въ домъ, сынъ сильно хлопнулъ дверь, отъ этого и послѣдняя искра потухала: не узнала его *сянъ торумъ*, стала бранить, а онъ взялъ ее на ладонь; дунулъ и сдѣлалась она молодой и красивой; увидала тогда, кто передъ ней, стала его цѣловать и радоваться его счастью, когда онъ ей все рассказалъ. Посоветовала она ему кромѣ одной жены взять еще нѣсколько, чтобы имѣть побольше сыновей, которые помогали-бы ему управлять землей; онъ послѣдовалъ ея совѣту, взялъ трехъ богатырскихъ дочерей и прижилъ съ ними семь сыновей. Стали обращаться къ нему разные народы съ просьбой придти и поселиться съ ними; самъ онъ отказывался исполнить ихъ просьбы, а посылалъ вмѣсто себя своихъ сыновей, но ихъ не хватило, а просить продолжаютъ, тогда онъ, по совѣту матери, послалъ въ одно мѣсто свою шапку, въ другое—рукавицы, въ третье—опояску, чтобы эти вещи постоянно напоминали людямъ объ его существованіи и только тогда, когда къ нему обратились бѣдные маньзы, онъ согласился на ихъ просьбу и перешелъ туда, гдѣ теперь Троицкія юрты. Заботясь о людяхъ, онъ отправился къ морю сказать птицамъ, чтобы онѣ для приплода прилетали въ сѣверныя мѣста и сдѣлалъ у нихъ царемъ лебедя, а княземъ орла; людямъ-же показалъ устройство перевѣса, которымъ они пользуются и теперь, особенно во время весенняго и осенняго пролета; только первый разъ, когда птицы прилетѣли, онѣ хотѣли повернуть съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться: люди сдѣлали перевѣсъ на столько большой, что ни одной птицѣ нельзя было пролетѣть; подлетаетъ орелъ, спрашиваетъ змѣю, не слыхала-ли она отъ людей, сколько дней думаютъ они держать такой перевѣсъ. «Семь», отвѣчала

змѣя; на другой день прилетаетъ лебедь, затѣмъ на третій— гусь, на четвертый — гагара, которой кое-какъ удалось перелетѣть черезъ перевѣсъ, на пятый—утка; ей отвѣчаетъ змѣя, что осталось всего два дня, но что гагара уже пролетѣла и что люди, утомившись ждать, перестали такъ зорко слѣдить, какъ это было раньше; дѣйствительно, птицы всѣ собрались и большая часть изъ нихъ свободно перелетѣла приготовленную западню, и такъ какъ мѣста, куда онѣ попали, были хорошія, то онѣ и рѣшили ежегодно сюда возвращаться.

Разсказанное сейчасъ преданіе о *міръ суснэ хумэ* считается сказаніемъ священнымъ—*елбынэ мойдэ*, слушать которое женщинамъ нельзя, а мужчины къ нему должны относиться съ самымъ большимъ вниманіемъ, иначе невнимательнаго слушателя постигнетъ какое-нибудь наказаніе; разсказику за это всегда что-нибудь даютъ изъ припасовъ и стараются доставить всевозможныя удобства; несмотря на сравнительную несложность и краткость разсказа встрѣчается весьма мало Маньзовъ, которые знали-бы его вполнѣ, большею же частью ограничиваются лишь одними отрывками.

Царствомъ тѣней, царствомъ мертвыхъ завѣдуетъ *куль одыръ* или просто *куль*—дьяволъ, про котораго, какъ и про *манька*—глѣнаго—рѣчь будетъ впереди; теперь достаточно сказать только то, что *маньковъ*, изображаемыхъ обыкновенно въ видѣ людей высокаго роста, съ остроконечной открытой головой, съ волосами, обстриженными по-русски въ скобку и безъ малѣйшей растительности на лицѣ, теперь, по увѣреніямъ инородцевъ, стало гораздо меньше, чѣмъ было раньше, что можно объяснить появленіемъ огнестрѣльнаго оружія, котораго *манькы*, особенно заряженнаго мѣдными пулями, боятся больше всего. *Манькы* могутъ по своему произволу принимать различные виды, постоянно мѣнять ихъ, и этой способностью обладаютъ не только они сами, но и ихъ жены и дѣти. Они часто нападаютъ на людей, убиваютъ ихъ, стѣдаютъ и остатки приносятъ въ свои большіе листовенничные дома, построенные обыкновенно въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, окруженныхъ не-

проходимыми болотами; здѣсь у нихъ немало хранится медвѣжьихъ шкуръ, которыя и служатъ имъ постелью; иногда *маньксы* ограничиваются только тѣмъ, что пугаютъ; такъ на-примѣръ, мнѣ рассказывалъ одинъ изъ маньзовъ, что онъ передъ поѣздкой въ дальній лѣсъ видѣлъ сонъ, предупреждающій его о грозящей ему со стороны *маньксы* опасности; онъ на это не обратилъ никакого вниманія, поѣхалъ, достигъ мѣста только къ ночи, развелъ огонь и пошелъ на рѣку за водой; тутъ его точно ледяной струей окатили, руки отказались почему-то сразу служить; онъ испугался, вернулся назадъ къ огню; вдругъ слышитъ по лѣсу раздаются тяжелые шаги, деревья трещать, сучья ломаются, вѣтеръ началъ свистать. Оробѣлъ маньзъ, а тутъ еще увидалъ, что прямо на него идетъ *маньксъ* въ своемъ обыкновенномъ видѣ, только настолько высокаго роста, что головой былъ выше всѣхъ деревьевъ; поглядѣлъ онъ на инородца, страшно захохоталъ и повернулъ назадъ; не помнитъ дальше расказчикъ, что съ нимъ было, очнулся только къ утру, и то не надолго, заболѣлъ и пролежалъ въ горячкѣ болѣе двадцати дней; хорошо еще, что мимо проходили товарищи и захватили его съ собой, а то пришлось бы съ голоду умереть. Кромѣ *маньксовъ* въ лѣсу еще водятся *уччи* съ собачьими когтями на рукахъ и ногахъ и съ собачьими клыками, и *мисъ хумъ* съ женой—*мисъ нэ* и съ дѣтьми—*мисъ няурамъ*, созданные *нуми* въ одинъ день съ *маньками*. *Мисъ хумъ* имѣетъ человѣческій видъ, только очень высокаго роста, выше дерева, и съ громадными бровями; если какая-нибудь изъ его дочерей (а у него ихъ много) зайдетъ къ кому-нибудь изъ мужчинъ и сдѣлается на время его женой, то онъ въ короткое время сильно разбогатѣетъ, такъ какъ ему все начнетъ удаваться (съ этою цѣлью собственно и созданъ *мисъ хумъ* тотчасъ-же послѣ неожиданнаго, какъ мы увидимъ ниже, сотворенія *маньксы*); во время прихода дочери къ временному мужу ее никто изъ постороннихъ не видитъ и въ это время въ домѣ не должно быть ни одной женщины, а то она обидится и немедленно уйдетъ.

Въ водѣ живеть кромѣ *витъ хонъ*—морскаго царя, про котораго мы уже говорили, еще *витъ нумъ*; онъ посланъ съ неба въ воду *нуми* еще въ то время, когда жили богатыри; живеть онъ обыкновенно въ заводяхъ и питается исключительно землей, чтобы ее облегчать, для чего онъ и посланъ; что-же касается до *витъ хонъ*, живущаго въ Ледовитомъ морѣ за устьемъ Оби, гдѣ у него построенъ золотой домъ, то его послалъ *нуми* съ неба послѣ сотворенія рыбы, чтобы онъ слѣдилъ, сколько у какой рыбы будетъ икры и чтобы отпустилъ необходимое ея количество на потребности человѣка.

На этомъ мы и покончимъ рассказъ о богахъ и скажемъ нѣсколько словъ про богатырей, имена которыхъ намъ приходилось не разъ уже упоминать. Богатыри—*похатуръ* или *одыръ* (оба слова, признаваемые маньзами за свои) и великаны прежде жили на небѣ и прислуживали богамъ; они были долговѣчны—ихъ жизнь продолжалась до 300—400 лѣтъ; какъ они созданы, свѣдѣній рѣшительно нѣтъ никакихъ; затѣмъ, когда ихъ стало много, они были спущены на землю; здѣсь они начали бороться и драться между собою—главнымъ образомъ, изъ-за женщинъ—и довели дѣло до того, что разсерженный *нуми* устроилъ потопъ, во время котораго они всѣ и погибли. Послѣ потопа хотя и были богатыри, но это вновь спущенные съ неба. Жили они или отдѣльными семьями, или цѣлыми селеніями, причемъ дома устроивали изъ камня и изъ земли; они отличались громадной силой и, убивая своихъ противниковъ, всегда ихъ скальпировали, чтобы всѣ могли видѣть, сколько каждый изъ нихъ убилъ враговъ; говорили они по обски, такъ какъ въ ихъ время еще языка маньзовъ не было—онъ появился послѣ потопа. Убивъ врага, они всегда стѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожилъ. Память о богатыряхъ жива до сихъ поръ и многіе изъ нихъ почитаются, особенно тѣ, которые умерли своею смертию, а не погибли во время потопа или не окаменѣли: нѣкоторые изъ нихъ были превращены въ камень за свое безбожіе и за дерзостное на-

мѣреніе напасть на боговъ. Многіе изъ родовыхъ и семейныхъ боговъ — ничто иное, какъ именно эти богатыри, признаваемые почему-либо покровителями; и первые шайтаны — *пубы*, по преданію, сдѣланы самими богатырями, которые приказали ихъ дѣлать и на будущее время въ воспоминаніе давно минувшихъ временъ; приказанія эти переданы людямъ нѣкоторыми богами, которые строго смотрятъ за ихъ исполненіемъ. Про богатырей существуетъ масса преданій, которыя я не буду здѣсь приводить; ограничусь только рассказомъ, объясняющимъ появленіе словъ *мось хумъ* и *порхъ хумъ* и нѣкоторыми другими. Разъ богатыри, вернувшись съ охоты, только что расположились ѣсть убитую дичь, какъ видятъ, что на нихъ идетъ множество другихъ богатырей; часть ихъ испугалась, бросилась бѣжать, но, не желая разставаться съ мясомъ, захватила и его сыръ емъ — это такъ называемые *мось хумъ* или *торумъ сыръ хумъ*; другіе же, побуждаемые голодомъ, остались и начали грѣть котель, но не успѣли; противники пришли и разбили имъ носы (они съ этою цѣлью и приходили — хотѣли насмѣяться); съ этихъ поръ они и стали носить имя *порхъ хумъ*; ихъ потомство и сохранили названіе *мось хумъ* и *порхъ хумъ*, и въ настоящее время всѣ маньчжы ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ или другихъ богатырей, причемъ теперь большею частью, а прежде обязательно, брачные договоры совершаются между людьми, принадлежащими къ разнымъ поколѣніямъ; выйти женщиной изъ поколѣнія *мось хумъ* замужъ за человѣка, происходящаго изъ того-же рода, считается въ высшей степени предосудительнымъ, точно также и наоборотъ.

Выше Сартыньи, версты на полторы, жила одна женщина — *урине* съ семью сыновьями богатырями — *торумъ сири ванкрасъ одыръ*, которые занимались, подобно другимъ богатырямъ, только тѣмъ, что грабили проѣзжающихъ; для того, чтобы знать время ихъ проѣзда, они протянули черезъ рѣку веревку съ колокольчиками и лишь только раздавался ихъ звонъ, они выходили, пробивали стрѣлами лодки, убивали

сидящихъ въ нихъ и брали себѣ все ихъ имущество. Узнавъ про это *тохытъ котль торумъ*, разсердился и говорить: «Я и божескій сынъ, а себѣ этого не позво-ляю». Пошелъ, нагналъ на нихъ сонъ, во время котораго перерѣзалъ веревку, протяну тую чрезъ рѣку и спряталъ ихъ кольчуги; затѣмъ послалъ на нихъ богатырей, которые всѣхъ ихъ перебили, такъ какъ они безъ кольчугъ сражаться не могли; мать ихъ съ горя превратилась въ камень, который лежитъ тутъже въ рѣкѣ съ лѣвой стороны; кромѣ этихъ богатырей были на Сосьвѣ еще и другіе; напримѣръ, на разстояніи одной станціи отъ Березова по направленію къ Сартыньѣ, на Елдын-номѣ жило пять человѣкъ *онгитъ тармъ ѳхелъ одыръ* или *антъ тоулъ нэнра ѳутъ* съ 150 прислужниками; затѣмъ у *яли-усъ* жилъ богатырь съ женой — *яли-усъ ойка*; далѣе, между *Вангреюль* и *Ахтысъ усъ* прежде былъ каменный мостъ, соединявшій эти двѣ мѣстности, на которомъ нерѣдко происходили стычки между богатырями, обитавшими въ *ахтысъ усъ* и приходящими снизу; во затѣмъ мѣстные богатыри ушли, такъ какъ среди богатырскихъ обычаевъ былъ одинъ, который не позволялъ имъ жить тамъ, гдѣ происходили частыя схватки. Существующая у Вангреюла пещера обязана своимъ происхожденіемъ слѣдующему обстоятельству: разъ одинъ богатырь бѣжалъ отъ преслѣдующихъ его враговъ; у него былъ ящикъ съ разными дорогими для него вещами; видя, что его догоняютъ, онъ съ страшною силой бросилъ его въ утесы; шкатулка пробила отверстіе, и такимъ образомъ было положено начало пещерѣ; вотъ почему, по мнѣнію инородцевъ, въ ней и находились прежде разныя металлическія вещи особенно зеркала. Послѣ богатырей, по преданію, остались нѣкоторыя вещи, такъ напримѣръ, въ Югримскихъ и Тегинскихъ юртахъ хранятся сабли, которыя мнѣ впрочемъ, не смотря на всѣ мои старанія, видѣть не удалось; объясняли это тѣмъ, что не всѣмъ суждено видѣть такія священныя вещи.

Со смертью, по вѣрованіямъ инородцевъ, жизнь не прекращается вполнѣ, такъ какъ начинается другая въ подзем-

номъ царствѣ, обставленная извѣстными условіями. Инородцы вѣрятъ, что у каждаго человѣка, кромѣ тѣла, есть еще тѣнь—*исъ* и душа—*ми хелмоласъ* (у животныхъ тоже); послѣдняя, по смерти человѣка, переходитъ въ тѣло новорожденного ребенка, принадлежащаго къ тому-же роду, членомъ котораго былъ умершій; если-же родъ весь вымеръ, то она переходитъ въ дѣтей другихъ родовъ, наконецъ, другихъ народностей, но никогда не переходитъ въ тѣло животныхъ. Что-же касается до тѣни, то она отправляется въ подземное царство, расположенное въ Ледовитомъ морѣ за устьемъ Оби и находящееся въ распоряженіи подземнаго бога *куль одыръ*; здѣсь она живетъ столько-же времени, сколько жилъ человѣкъ на землѣ, причѣмъ занимается тѣмъ-же самымъ дѣломъ, т. е. если человѣкъ на землѣ былъ оленеводомъ, то и подъ землей онъ будетъ имъ; если онъ исключительно билъ звѣря и ловилъ рыбу, то и тутъ онъ будетъ также охотиться, и т. д.; затѣмъ тѣнь начинаетъ понемногу уменьшаться, доходить до величины одного жучка — *кэръ хомлакъ* (по словамъ другихъ — превращается въ него) и, наконецъ, вполне исчезаетъ. Люди, много грѣшившіе на землѣ, обижавшіе и непочитавшіе боговъ, будутъ нести за это наказаніе въ будущей жизни, которое, главнымъ образомъ, будетъ выражаться въ томъ, что они будутъ постоянно работать, но работа у нихъ не будетъ идти хорошо и трудъ ихъ будетъ мало вознаграждаться. При входѣ въ подземное царство главная дорога раздѣляется на три пути и у каждаго стоитъ по столбу, на которомъ сказано, кто куда долженъ идти: по среднему идутъ удавленники, утопленники, застрѣлившіеся и вообще всѣ, кто искусственно прекратилъ свою жизнь; по правому—остальные грѣшники, по лѣвому—люди, жившіе, какъ слѣдуетъ; людей, погибшихъ насильственною смертью, при входѣ будутъ бить, затѣмъ они предупредили волю *нуми*, и затѣмъ въ продолженіе всего пребыванія подъ землей они, кромѣ разныхъ неудачъ, не будутъ ничего испытывать; въ первое-же время они будутъ еще кипѣть въ расплавленной смолѣ. Если умираетъ кто-нибудь изъ семьи—отецъ,

мать, сынъ, дочь, братъ, сестра и т. д., то говорятъ: *савынъ падасъ* — мученію предался; если изъ постороннихъ и вообще изъ людей не близкихъ, то *позаласъ*—умеръ. Иногда тѣнь умершаго беретъ съ собой тѣнь кого-нибудь изъ родныхъ или близкихъ, и тогда тотъ человѣкъ скоро умираетъ. Царствомъ тѣней, освѣщаемымъ лишь луннымъ свѣтомъ, какъ я уже сказалъ, завѣдуетъ *куль одыръ*, про котораго, какъ толкуютъ маньзы, умный человѣкъ и говорить не будетъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось узнать слѣдующее: *куль одыръ* родился подъ землей, отъ кого — узнать не могъ; онъ вла дѣлетъ цѣлымъ городомъ и живетъ со своей семьей въ большомъ золотомъ домѣ, гдѣ ему прислуживаетъ масса слугъ, вполне похожихъ на людей, только меньшаго роста. Пока онъ не выходилъ изъ-подъ земли, богатыри и люди не умирали, но разъ ему захотѣлось посмотрѣть, какъ живетъ небесный богъ—*нуми торумъ*, полюбоваться его домомъ, а если возможно, то и отнять. Приходитъ, видитъ дворець, плѣнился имъ, хочется взять, но *нуми* догадался и крѣпко заперъ всѣ двери; *куль одыръ* этимъ не смутился и сталъ подкапываться подъ домъ, вполне увѣренный, что, при паденіи, онъ попадетъ прямо въ его подземное царство. Замѣтивъ это и отлично понимая, съ какою цѣлью все это дѣлается, *нуми* перенесъ свой домъ въ другое мѣсто, подложивъ предварительно подъ него желѣзныя доски; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ семи слугамъ залѣзть въ старыя березы, отъ которыхъ осталась одна только береста и сердцевина которыхъ была вся уже изѣдена, и караулить *куль одыръ*. Лишь только послѣдній пришелъ, его немедленно схватили, засадили въ желѣзную бочку, крѣпко забили и бросили въ темное мѣсто; отъ долгаго сидѣнія въ этой бочкѣ онъ высохъ, какъ щепка. Отецъ *нуми*, *корсъ торумъ*, по своей добротѣ приказалъ освободить его и, не желая, чтобы онъ оставался безъ дѣла, поручилъ ему завѣдываніе подземнымъ царствомъ и приказалъ ежедневно являться къ *нуми* и брать у него записи, кому слѣдуетъ умирать, а также на кого насылать болѣзни («иначе слишкомъ много людей

будеть», думалъ *корсъ торумъ*); съ тѣхъ поръ *куль одырз* сталъ приходить къ *нуми*, который его въ свой домъ всетаки не пускаетъ, а заставляетъ сидѣть у порога. Вернувшись въ свое царство, *куль-одырз* сталъ охотиться за звѣремъ, птицей и рыбой, многихъ убивалъ, но еще большее количество портилъ; всякое животное, какъ только онъ начиналъ ѣсть, дѣлалось чернымъ и теряло способность насыщать людей. Люди, которымъ, при видимомъ изобиліи съѣстныхъ припасовъ, грозила голодная смерть, обратились за помощью къ *нуми*, который быстро спустился на землю, убилъ рябчика, все недававшегося *кулю* и отличавшегося въ то время своей величиной и особенно голосомъ, гремѣвшимъ подобно грому, разрѣзалъ его на кусочки и роздалъ ихъ различнымъ животнымъ, у которыхъ отъ этого или все тѣло побѣлѣло или только его часть; послѣдній-же кусокъ опять превратилъ въ рябчика, но уже маленькаго и такого, котораго могъ добывать всякій охотникъ; послѣ этого люди успокоились, такъ какъ пища стала ихъ насыщать. Получивъ записи отъ *нуми*, *куль* беретъ тѣни записанныхъ и гонитъ ихъ большою дубиною: чрезъ тундры въ свое царство, причемъ чрезъ воду перевозитъ въ огненной лодкѣ; если по ошибкѣ онъ возьметъ тѣнь раньше времени, то, по приказанію *нуми*, онъ возвращаетъ ее назадъ, и этимъ и объясняются, по мнѣнію инородцевъ, тѣ продолжительные обмороки, въ которые иногда выпадаютъ люди.

По рассказамъ нѣкоторыхъ инородцевъ, тѣнямъ въ подземномъ царствѣ приходится карабкаться на высокія горы и переходить огненные потоки, поэтому-то они никогда и не бросаютъ сломанныхъ или остриженныхъ ногтей и волосъ, которые до поры до времени хранятся гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, чтобы потомъ первую по смерти весною, когда прилетать чирки, вырвать у нихъ два хвостовыхъ пера и съечь ихъ вмѣстѣ съ спрятанными ногтями и волосами; тогда эти волосы и перья дадутъ тѣни возможность перейти чрезъ огненные потоки и вскарабкаться на высокія горы. Вслѣдствіе

такихъ взглядовъ на будущую жизнь, инородцы, когда хоронятъ своихъ покойниковъ, надѣляютъ ихъ всёми, что только составляло ихъ собственность въ этой жизни и затѣмъ потомъ иногда пополняютъ этотъ запасъ, особенно свѣтными припасами, водкой и табакомъ, для чего въ могилѣ всегда оставляется нѣчто вродѣ окошка, куда опускаются также и небольшія деревянныя лопаточки, замѣняющія ложки (подобныя лопаточки употребляются также и при жертвоприношеніяхъ, такъ какъ, по мнѣнію инородцевъ, боги пищу ѣдятъ ими, а не ложками; поэтому у всякаго идола какъ въ его казнохранилищѣ, такъ и въ мѣстѣ приношенія жертвъ, всегда находится не мало такихъ лопаточекъ, приносимыхъ вѣрующими вмѣстѣ съ пищей своимъ богамъ). Обыкновенно умершаго стараются похоронить въ тотъ же день, когда онъ умеръ, причемъ тѣло выносятъ не чрезъ дверь, а чрезъ окно или, если покойникъ въ думу, то чрезъ нарочно прорѣзанное отверстіе. До кладбища, расположеннаго у маньзовъ и верховыхъ остяковъ обыкновенно гдѣнибудъ въ лѣсу, тѣло, вполнѣ одѣтое, несутъ на рукахъ или везутъ на оленяхъ, которые при этомъ обязательно убиваются на свѣжей могилѣ и преимущественно посредствомъ удавленія: на шею закидываютъ петлю, привязываютъ за свободный конецъ къ дереву и затѣмъ ударами заставляютъ оленя бѣжать въ ту или другую сторону, такъ что онъ душитъ самаго себя; послѣ этого ему въ сердце втыкаютъ деревянную спицу; шкуры этихъ оленей зарываютъ тутъ же рядомъ съ могилой, мясо съѣдаютъ, а кости кладутъ къ покойнику. Могила у маньзовъ и верховыхъ остяковъ вырывается не глубже двѣнадцати вершковъ или одного аршина и имѣетъ бока выложенные деревомъ или берестой; въ такую яму опускаютъ лодку, обыкновенно однодеревку, большею частью съ отпиленной кормой и носомъ и съ уплощеннымъ дномъ и сверху закрываютъ берестой или досками; по неимѣнію лодки, тѣло кладутъ въ ящикъ, по формѣ всетаки похожій на лодку. Поверхъ ямы, на высотѣ одного или двухъ вершковъ отъ земли дѣлается крышка, уплощенная и только слегка по-

катая на обѣ стороны; крышка эта состоитъ изъ ряда тонкихъ бревенъ, расположенныхъ продольно и покрытыхъ очень искусно сверху и снизу слоями бересты, отъ чего не смотри на малую глубину могилы и на то, что тѣло землей не засыпается, запаха на кладбищахъ не бываетъ. Наконецъ, вершковъ на 6 — 8 отъ земли возвышается еще крыша, устроенная совершенно подобно предыдущей. Вещи кладутся, особенно мелкія во внутреннюю часть, и только болѣе крупныя — лыжи и т. п., находятя на крышкѣ гроба; сверху же могилы обыкновенно лежатъ опрокинутыя нарты, весло, оленій шестъ, иногда лодка. Интересенъ тотъ фактъ, что надъ инородцемъ, умершимъ вдали отъ родины, напримѣръ на Оби во время рыбной ловли, на родинѣ всегда совершаютъ обрядъ погребенія, причемъ такъ-же вырываютъ могилу, такъ-же кладутъ разныя вещи и даже такъ-же совершаютъ нѣчто вродѣ поминокъ, какъ это бываетъ и съ обыкновенными покойниками. Послѣ того какъ гробъ опущенъ въ могилу, начинаютъ варить какое-нибудь мучное или мясное кушанье, вываливаютъ затѣмъ все сбоку гроба, пробиваютъ дно у котла и кладутъ его тоже въ могилу. У самоѣдовъ и низовыхъ остяковъ, кстати сказать, могилы обыкновенно не роютъ, а тѣло кладутъ прямо на материкъ, причемъ сверху покрываютъ опрокинутыми нартами. У нихъ-же существуетъ обычай, чтобы жены послѣ смерти мужей дѣлали изъ бересты, дерева и шкурокъ куклы, долженствующія олицетворять покойника, и въ продолженіи шести мѣсяцевъ класть ее съ собой спать, угощать ѣдой, и т. д.; если этого не дѣлать, то тѣнь умершаго будетъ мстить. Кукла эта помѣщается всегда въ почетномъ мѣстѣ, которое при жизни составляло принадлежность хозяина. Это время считается временемъ траура, и рѣдко какая-нибудь изъ вдовъ рѣшится вновь выйти замужъ равнѣ истеченія положеннаго срока. Одежда и украшения на куклѣ дѣлаются подобными настоящимъ, а иногда какая-нибудь старательная вдова вырѣзаетъ даже лицо и раскрашиваетъ его разными красками. Внѣшними признаками траура считаются у нѣкоторыхъ ино

родцевъ — распусканіе волосъ (у мужчинъ впродолженіе пяти дней, у женщинъ — четырехъ), ношеніе косъ спереди, а не сзади (у мужчинъ впродолженіе пяти мѣсяцевъ, у женщинъ — четырехъ, причеъ головные платки послѣдними носятъ тогда на изнанку; кромѣ того мужчины надѣвають на какой-нибудь шнурокъ одну или двѣ бусы и носятъ ихъ на шеѣ или на рукѣ до тѣхъ поръ, пока шнурокъ не перетрется. Плача при погребеніи обыкновенно не бываетъ; но это, по всей вѣроятности, зависитъ отъ того, что маньзи вообще, какъ и всѣ инородцы сѣверо-западной Сибири, плакать не охотники, и если иногда этимъ и занимаются, то исключительно, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось наблюдать, въ пьяномъ состояніи. При приближеніи смерти умирающему въ ротъ вставляютъ палочку, которая не позволяетъ ему сильно стискивать зубы, и лишь только онъ умретъ, голову покрываютъ платкомъ, одѣвають во все лучшее и кладутъ на то-же мѣсто, гдѣ онъ умеръ; въ это время обыкновенно не говорятъ ни слова. Затѣмъ женщины распускаютъ волосы и начинаютъ плаксивымъ голосомъ причитывать объ умершемъ: о томъ, какой онъ былъ хорошій охотникъ, какъ заботился о семьѣ, и т. д.; иногда тоже самое продѣлываютъ и мужчины, которые въ это время заняты приготовленіемъ гроба и могилы. Когда гробъ готовъ, въ него укладываютъ покойника: мужчину—мужчину, а женщину—женщину, закрываютъ его, чертятъ иногда углемъ на крышкѣ какого-нибудь звѣря, птицу или рыбу и говорятъ, что все готово; тогда старшая изъ женщинъ въ семьѣ—бабушка или мать, за неимѣніемъ первой, начинаетъ приподымать гробъ; если тяжело, то общаетъ сдѣлать какое-нибудь приношеніе богамъ: *миръ суснэ хумъ, сянъ торумъ и куль одыръ*; тоже самое продѣлываютъ и всѣ присутствующіе по старшинству, сперва женщины, послѣ мужчины; затѣмъ уже тѣло несутъ или везутъ на кладбище. Для лучшаго ознакомленія съ характеромъ погребенія самая выгодная находка—это шаманская могила, такъ какъ въ ней всегда можно найти помимо обыденныхъ вещей, и изображенія боговъ, и разные

талисманы ввидѣ просверленныхъ зубовъ животныхъ, ихъ члустей, разныя мелкія кости и въ томъ числѣ черепа, имѣющіе то или другое таинственное значеніе.

Разсматривая далѣ слѣды языческихъ вѣрованій маньзовъ, намъ остается сказать только, какъ они смотрятъ на сотвореніе міра и на его окончаніе. Про сотвореніе они рассказываютъ слѣдующее: прежде всего *корсь торумъ* создалъ небо, землю, воду, огонь, солнце, луну и звѣзды, причемъ земля была создана плоской, сверху прикрытой небомъ, а съ краевъ окруженной водой; сама она неподвижна, но за то солнце и луна двигаются вокругъ нея. При ея сотвореніи было поступлено такъ: вначалѣ вода покрывала собою все существующее и *корсь торумъ* велѣлъ *луми*, птицѣ, отлично ныряющей, достать со дна не много земли; она три раза ныряла, но первые два безуспѣшно и только въ третій захватила немного песку и то поперхнулась, и онъ разлетѣлся въ разныя стороны, только одинъ небольшой комочекъ и остался на мѣстѣ, у самой-же изъ горла пошла отъ натуги кровь, которая запачкала ей немного голову, отъ чего у нея и до сихъ поръ голова красная. Тогда прилетѣла гагара, стала смѣяться надъ лулой, говоря, ей-ли такой небольшой птицѣ доставать изъ-подъ воды землю; нырнула сама два раза, но оба безуспѣшно, а на третій выплыла замертво. *Луми*, чтобы дать ей вздохнуть, положила ея голову къ себѣ на спину, запачкала при этомъ ей зобъ кровью (у гагары этой и до сихъ поръ онъ красный) и привела ее въ чувство. Когда та оправилась, она и говорить *луми*: «Спасибо, никогда этого не забуду; будь ты съ этихъ поръ старшей, а я тебя буду во всемъ слушаться». Послѣ этого онъ улетѣли, и гагара стала считаться младшей, а лула старшей сестрой. На другой день изъ того комочка, который вынесла *луми*, сдѣлалась земля такой величины, что на нее можно было поставить одну ногу; затѣмъ она стала дѣлаться все больше и больше, такъ что птица въ первый разъ могла ее облетѣть въ то время, въ какое поспѣваетъ котель, во второй—до полудня съ восхода солнца, а въ третій—уже

приходилось летѣть цѣлыхъ три дня; затѣмъ земля достигла своей обыкновенной величины, хотя и теперь еще она по-немногу увеличивается; для набѣжанія же слишкомъ сильнаго расширенія существуетъ *витъ куль*, о которомъ рѣчь была раньше, и который исключительно питается землей, а также и лѣсные пожары, посылаемые теперь *нуми*, съ тою-же цѣлю облегченія земли, которая иначе отъ тяжести все болѣе опускалась-бы подъ воду. вмѣстѣ съ этимъ были созданы и богатыри, которые, какъ уже было сказано, сильно воевали между собою, главнымъ образомъ изъ-за женщинъ, и много проливали крови.

Нуми торумъ, который, по порученію отца, слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается на землѣ, нѣсколько разъ предупреждалъ ихъ, но все напрасно; тогда онъ спустился на землю и все поджегъ. Много при этомъ погибло богатырей, но не всѣ. Оставшіеся въ живыхъ ста ли себѣ, за неимѣніемъ лѣса, строить землянки, слѣды которыхъ видны и теперь (по словамъ другихъ, землянки эти — остатки жилищъ самихъ маньзовъ, которые спасались въ нихъ во время нападенія враговъ, причемъ изъ нихъ нерѣдко вели подземные ходы въ глубь лѣса и къ рѣкѣ); остатки такихъ землянокъ существуютъ, напри- мѣръ, на Сѣверной Сосьвѣ, по лѣвой сторонѣ рѣки, на три версты ниже и на двѣ выше Сартынѣи. Не обращая внима- нія на постигшее ихъ несчастье, богатыри опять вступили въ ожесточенную борьбу между собой; тогда *нуми* велѣлъ водѣ выйти изъ береговъ и все потопить. Повелѣніе было исполнено, и погибло все живое, за исключеніемъ лишь семи сыновей *нуми*, которыхъ онъ на это время взялъ къ себѣ на небо.

Во время наводненія— *яныхъ витъ*, *елбынъ витъ*, продол- жавшагося три дня, *корсъ торумъ* убралъ солнце, луну и звѣзды, чтобы сдѣлать полную темноту и лишить такимъ образомъ всѣхъ возможности спастись. Послѣ того какъ вода сбыла, *нуми* приступилъ къ творенію новыхъ существъ, такъ какъ онъ увидалъ, что никого нѣтъ на землѣ, которой необходимо

придать жизнь; въ то-же самое время, лишь только земля немного обсохла, *корсъ торумъ* нечаянно уронилъ свой поясъ, и изъ него произошелъ Уральскій Хребетъ. При этомъ надо оговориться, что нѣкоторые изъ разскащиковъ утверждали, что до наводненія *нуми* былъ старикомъ и дѣтей не имѣлъ, но, выкупавшись во время потопа, онъ сразу помолодѣлъ и сдѣлался затѣмъ отцомъ семи сыновей.

Приступивъ къ устройству живыхъ существъ, *нуми* прежде всего вырѣзалъ изъ лиственницы два бревна, придавъ имъ форму человѣка, и чтобы прикрѣпить голову, которая все падала на грудь, воткнулъ между грудью и шеей гвоздь и такимъ образомъ подперъ ее; затѣмъ поставилъ на ноги спиной къ себѣ, дунулъ, и куклы ожили, свиснули, убѣжали въ лѣсъ и сдѣлались *манквами*, т. е. лѣшими. Благодаря гвоздю, подпирающему голову, они не могутъ смотрѣть внизъ, часто оступаются, падаютъ и при паденіи обыкновенно умираютъ, такъ какъ гвоздь вонзается имъ въ голову.

Увидаль *нуми*, что сдѣлалъ не хорошо, приступилъ второй разъ къ творенію, причемъ взялъ уже лиственничную сердцевину, сдѣлалъ изъ нея нѣчто вродѣ остововъ, которые затѣмъ оплелъ лиственничными-же корнями, поставилъ лицомъ къ себѣ, дунулъ, они ожили, и такимъ образомъ появились первые люди, совершенно подобные теперешнимъ, только мохнатые. *Нуми* разрѣшилъ имъ ходить вездѣ, гдѣ только имъ захочется; позволялъ ѣсть все, что они увидятъ, за исключеніемъ голубики *манквъ пиль ивъ*; послѣ этого онъ поднялся на небо отдыхать отъ своихъ трудовъ.

Черезъ нѣсколько времени захотѣлось ему посмотреть, что дѣлаютъ на землѣ новые ея поселенцы. Спустился внизъ, смотреть вездѣ и нигдѣ ихъ не находить; кричить—никто не отвѣчается; наконецъ увидаль ихъ спрятанными подъ кустами, велѣлъ вылѣзть оттуда и къ своему удивленію увидаль, что они потеряли всѣ свои волосы и стали голыми. Оказывается, что они не послушались повелѣнія *нуми*, поѣли запрещенныхъ ягодъ (принимали въ этомъ участіе *кум* или

мэнквѣ или нѣтъ—неизвѣстно), и волосы у нихъ всё вылѣзли, и они стали забнуть и прятаться въ кусты, хоть немного защищающіе отъ вліянія холода и сырости. Разсердился на нихъ богъ, сталъ имъ выговаривать, затѣмъ они послушались его воли, а самъ думаетъ: «что-же мнѣ съ ними дѣлать? какъ они будутъ жить? вѣдь все равно зимою погибнуть отъ холодовъ»; дунулъ на нихъ, и они разсыпались.

Приступилъ послѣ этого богъ въ третій разъ къ устройству людей: взялъ тальнику, сплелъ изъ него нѣчто вродѣ скелетовъ, обмазалъ глиною, поставилъ передъ собою, дунулъ на нихъ, и появились люди, положившіе начало человѣческому роду. Вмѣстѣ съ ними *нуми* сотворилъ изъ сосновыхъ сучьевъ оленей, рыбъ, птицъ и звѣрей; показалъ человѣку—маньзи (остальныя народности—русскіе, зыряне, самоѣды и татары были созданы раньше, сейчасъ-же послѣ *мэнквѣ* передъ неудавшимися маньзи, но какимъ образомъ, про то они ничего не знаютъ) всё рыболовные и звѣроловныя снаряды, какъ ихъ дѣлать и какъ ими пользоваться; показалъ также устройство лодки, лыжъ, нарты и дома, однимъ словомъ, всего, что только полезно человѣку; затѣмъ указавъ на то, что у нихъ будутъ дѣти, онъ приказалъ ихъ приучать къ охотѣ за звѣремъ, птицей и рыбой и передать затѣмъ все то, что они слышали отъ него; послѣ этого онъ поднялся на небо и сталъ отдыхать довольный теперь своимъ твореніемъ.

Кромѣ такого преданія о созданіи человѣка существуетъ и другое, въ которомъ слишкомъ замѣтны слѣды христіанства. Рассказываютъ, что мужъ и жена были созданы изъ глины, но жили прежде на небѣ; затѣмъ когда отъ нихъ пошло многочисленное потомство, богъ спустилъ ихъ на землю. Пожили они здѣсь, но затѣмъ имъ опять хотѣлось попастьъ на небо. Стали они проситься, но богъ ихъ не послушалъ; тогда они приступили къ постройкѣ большого дома и хотѣли его довести до неба, но богу это не понравилось, и когда они стали приближаться къ нему, то онъ толкнулъ ногой и все разсыпалось; при этомъ много народу погибло, а остав-

шіеся въ живыхъ перестали понимать другъ друга, такъ какъ начали говорить на разныхъ языкахъ; съ этого времени и пошли разные народы; тогда-же богъ и велѣлъ людямъ, по прошествіи нѣкотораго времени, умирать и превращаться въ ту глину, изъ которой они созданы. Далѣе рассказываютъ еще такъ, что богъ, спустивши съ неба мужа съ женой, запретилъ имъ брать что-нибудь и класть себѣ въ ротъ. Они первое время исполняли приказаніе, но потомъ жена завсlea мужа въ лѣсъ и соблазнила его рябиной, поѣвши которую, они вдругъ почувствовали стыдъ, но ѣсть имъ всетаки не хотѣлось и жили они другъ съ другомъ, какъ посторонніе. Богъ, желая провѣдать людей, спустился на землю, искалъ ихъ и не нашелъ сталъ кликать, откликнулись, говоря, что имъ совѣстно ему показаться. Догадался богъ, въ чемъ дѣло, сталъ имъ выговаривать и опредѣлилъ въ наказаніе испытывать чувство голода и жажды, имѣть потребность въ одеждѣ, въ болѣзняхъ рождать дѣтей и такъ-же умирать.

Созданный міръ не будетъ вѣчнымъ и онъ кончится, благодаря потоку, который произойдетъ отъ того, что *нуми*, желая сдѣлаться молодымъ (что ему разъ уже удалось, какъ о томъ было выше сказано), станетъ купаться; послѣ этого купанья вода превратится въ жидкую огненную массу, которая подыметъ до такой высоты, что до неба останется разстоянія не болѣе лебединой шеи. За семь лѣтъ до наступленія этого, всѣ *кули* и *мэнквы* направятся въ подземное царство ввиду предстоящей имъ большой работы и по дорогѣ будутъ съѣдать всѣхъ попадающихъся. За семь дней до потопа будетъ постоянно слышаться громъ и чувствоваться удушливый непріятный запахъ. Что же касается до него самого, то онъ будетъ продолжаться ровно столько, сколько нужно для сваренія икры, т. е. не болѣе одного часу; благодаря такой быстротѣ, люди почти всѣ погибнутъ; спасутся лишь тѣ, которые успѣли себѣ приготовить плоты изъ семи рядовъ осины (по другимъ—лиственницы), изъ которыхъ шесть сгорятъ, а седьмой останется. На этихъ плотяхъ должны быть

шатры, сдѣланные изъ кожи осетровъ и стерлядей; и кромѣ того тутъ-же должны находиться канаты, сплетенные изъ гальника и длиною не менѣе трехъ-сотъ саженой. Въ это время комары, мошки и муравьи достигнуть величины соболя, будутъ плавать поверхъ воды и будутъ уничтожать тѣхъ, которые не позаботились приготовить себѣ плотнаго полога. Послѣ потопа возстанутъ тѣ, которымъ кончился срокъ пребыванія ввидѣ тѣни *иса*, т. е. кто, напримѣръ, имѣя тридцать лѣтъ отъ роду, умеръ тридцать лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ, весь міръ будетъ состоять изъ людей, спасшихся отъ потопа, и изъ окончившихъ свой срокъ. Тогда съ неба спустится *нуми* и приступитъ къ суду; въ чемъ будетъ заключаться судъ и каковы награды съ наказаніями, ожидающія грѣшниковъ и праведниковъ, точно неизвѣстно. Проживши затѣмъ еще столько-же, сколько жили на землѣ, а оставшіеся въ живыхъ столько, сколько жили до потопа, всѣ обратятся сперва въ *кэръ хомлахъ*, а затѣмъ въ прахъ, что и будетъ служить указаніемъ на полное окончаніе міра.

Вотъ тѣ слѣды языческихъ вѣрованій, которые мнѣ удалось подмѣтить у маньзовъ. При настоящихъ условіяхъ язычество для нихъ болѣе доступно и привлекательно, чѣмъ христіанство, котораго они, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не понимаютъ: при жертвоприношеніяхъ, при гаданіяхъ, они сознаютъ, что дѣлается, они сроднились съ этимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ они являются почти такими-же дѣйствующими лицами, какъ и шаманы, что для нихъ, конечно, опять таки служить завлекающимъ мотивомъ: при всѣхъ языческихъ обрядахъ они наѣдятся, напьются, напляшутся и напоются, такъ какъ при нихъ всегда бываетъ и пляска, и пѣніе; однимъ словомъ, эти обряды являются для нихъ не только средствомъ общенія съ богами, но и мѣстомъ развлеченія и наслажденія, чѣмъ, конечно, никогда не можетъ быть христіанство.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Примѣты и повѣрья.

1. Если во время пути готовятъ себѣ пищу, то, при уходѣ, обязательно сваливаютъ ту палку, на которой висѣлъ котелъ, иначе у варившаго будетъ постоянно болѣть голова, будутъ лѣзть волосы и въ будущей жизни онъ будетъ испытывать только одни мученія.

2. При приготовленіи пищи въ дорогѣ, необходимо оставлять нѣсколько или, по крайней мѣрѣ, одно полѣно, иначе нечѣмъ будетъ грѣть ся тѣни умершаго, идущей въ подземное царство.

3. Женщины не могутъ ѣсть сердца, головы и груди медвѣдя,—недостаточно чисты для этого.

4. Женщины съ рѣки Сыгвы не могутъ ѣсть мерзлой щуки и мерзлаго налима, а во время беременности и сырковъ все равно, будетъ-ли это лѣтомъ или зимой, такъ какъ отъ этого онѣ сами или ихъ дѣти будутъ хворать.

5. Среди животныхъ бываютъ чистыя и нечистыя; къ первымъ относятся *луди*-родъ небольшой гагары и змѣя; ко вторымъ—лягушка, ящерица и паукъ. *Лули* почитается за то, что она принимала участіе въ твореніи земли: когда суши еще не было и вода покрывала все существующее, тогда богъ *корсъ-торумъ* велѣлъ ей нырнуть и захватить со дна земли; она это сдѣлала, и вынутая ею земля послужила началомъ твердаго пространства. Змѣю бить и ѣсть нельзя потому, что въ нее иногда входитъ богъ; отчасти по такой-же причинѣ нельзя ѣсть и нечистыхъ животныхъ—лягушку, ящерицу и паука: въ нихъ тоже не рѣдко входитъ, но только не богъ, а *мэнквъ*, который чрезъ нихъ можетъ попасть и въ человѣка. Когда у ящерицы отваливается хвостъ, то это служить

указаніемъ на то, что ее оставляетъ *манисъ*; вотъ почему увидать отпаденіе этой части тѣла нехорошо, и оно часто предзнаменуетъ смерть кого-нибудь изъ близкихъ. Единственное средство избавиться отъ исполненія предзнаменованія—это поскорѣе убить подобную ящерицу тѣмъ болѣе, что это будетъ и богоугодное дѣло: ящерица часто смотритъ на солнце съ раскрытымъ ртомъ, желая его проглотить; желаніе это ей внушается дьяволомъ, и всякій долженъ воспрепятствовать его исполненію, такъ какъ солнце создано *корь-торумъ* и оно необходимо для всего живущаго. Если при варкѣ пищи въ котелъ попадаетъ какое-нибудь изъ названныхъ нечистыхъ животныхъ, то содержимое котла вываливается и выливается, а самъ онъ тщательно моется и даже иногда окуривается. За убіеніе трехъ, а еще лучше семи безхвостыхъ ящерицъ, прощается много грѣховъ.

6. Если огонь въ кострѣ или чувальѣ зашипитъ, то хозяинъ начинаетъ спрашивать, что ему надо, и если по близости есть гдѣ-нибудь шаманъ, то зоветъ его, а если нѣтъ, то принести жертву самъ; также поступаютъ, если огонь, горѣвшій все время прямо, вдругъ наклонится въ сторону; если жертвы не принести, то можетъ случиться несчастіе.

7. Послѣ смерти кого-нибудь изъ близкихъ, необходимо принести въ жертву хотя-бы одного оленя, чтобы заткнуть дыру, чрезъ которую вынесли покойника, иначе опять кто-нибудь умретъ; по этой-же причинѣ покойника никогда не выносятъ чрезъ дверь, а всегда или чрезъ окно, или чрезъ нарочно сдѣланное отверстіе.

8. Сломанныхъ и остриженныхъ ногтей, а также и волосъ никогда не бросаютъ, а хранятъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ; ногти кладутъ себѣ большею частью за пазуху (если они оттуда выпадаютъ, то на это вниманія уже не обращаютъ). Дѣлаютъ это потому, что, по мнѣнію инородцевъ, тѣнямъ въ подземномъ царствѣ приходится карабкаться на высокія горы и переходить чрезъ огненные потоки; поэтому первой по смерти весной, когда прилетаютъ чирки, выры-

ваютъ у нихъ два хвостовыхъ пера и вмѣстѣ съ волосами и ногтями сжигаютъ; тогда эти волосы съ ногтями и перьями дадутъ тѣни возможность благополучно добраться до подземнаго царства, не взирая ни на огненные потоки, ни на высокія горы.

9. Если при себѣ имѣть мордочку лисицы, соболя или горностая, то все будетъ удаваться.

10. Если на поясѣ носить медвѣжьей клыкъ, то не будетъ болѣть спина.

11. Если мущина пройдетъ какъ-нибудь нечаянно подъ какой-нибудь принадлежностью женскаго костюма или подъ самой женщиной, сидящей, на примѣръ, въ амбарѣ, то ему необходимо надо быть окуреннымъ бобровой струей, или чѣмъ-нибудь другимъ, такъ какъ онъ осквернился; вотъ почему женскія вещи никогда не висятъ при входѣ въ жилище; точно также необходимо мушину окурить, если онъ дотронулся, а тѣмъ болѣе если имѣлъ сношеніе съ женщиной, у которой мѣсячное очищеніе.

12. Женщины не могутъ сидѣть, лежать и спать въ переднемъ углу, иначе хозяину дома во всемъ будетъ неудача; точно также не могутъ тамъ лежать и женскія вещи.

13. Если женщина хорошо одѣта, то про нее говорятъ: *най эва*-богиня и желаютъ ей быть постоянно такой.

14. Если хотятъ высказать пожеланіе, чтобы какая-нибудь вещь служила долго, то говорятъ: «пусть она живетъ *хелмхоласъ нотъ* или *хелмхоласъ сунсы емцъ*-человѣческой вѣкъ».

15. Если гость отсидитъ себѣ ногу, то это означаетъ, что ему придется опять быть скоро въ гостяхъ у того-же хозяина.

16. Если звѣзда падаетъ на востокъ, то это указываетъ на то, что человѣкъ родился; если на западъ, что умеръ.

17. Если въ теченіе теплаго времени бываетъ сѣверное сіяніе-*торумъ най тэхъ, сизъ най тэхъ*, то это указываетъ на скорое наступленіе холодовъ.

18. Если рыть очень глубокую яму, то можно докопаться до подземнаго царства, такъ какъ оно не очень далеко; вотъ

почему золотопромышленники при своих работах иногда доходят до такого мѣста, что снизу начинается дуть вѣтеръ; это уже служитъ указаніемъ, что имъ осталось до подземнаго царства еще немного; во избѣжаніе несчастія необходимо ему немедленно зарыть.

19. Если съ мужчиной или женщиной на открытомъ воздухѣ или въ жилищѣ сдѣлается обморокъ или припадокъ, то это объясняютъ такъ: у *нуми торумъ* есть золотой посохъ, который онъ постоянно держитъ въ сосудѣ съ живой водой-*милми витъ*; если онъ увидитъ гдѣ-нибудь грѣшнаго человѣка, то начинаетъ волновать воду и тотъ человѣкъ, на котораго онъ посмотрѣлъ, немедленно падаетъ. Къ такого рода людямъ инородцы относятся совершенно спокойно и говорятъ, что если-бы *нуми-торумъ* всѣхъ судилъ строго, то тогда не осталось-бы ни одного человѣка. Про такіе припадки говорятъ: «*Нумыль патвесь-сверху ударилъ* (т. е. *нуми торумъ*)».

20. Олень и заяцъ родные братья, такъ какъ и тотъ, и другой ѣдятъ оленій мохъ.

21. Сперва лось жилъ на небѣ и у него было шесть ногъ; благодаря этому, его никто не могъ догнать. Онъ этимъ возгордился и сталъ хвастаться; тогда *нуми* послалъ одного изъ богатырей *мосъ-хумъ* его наказать за хвастовство. *Мосъ хумъ* погналъ его по всему небу, догналъ, отрубилъ двѣ заднія ноги и сбросилъ на землю; съ этихъ поръ у лося и стало четыре ноги, и онъ сдѣлался обычной добычей человѣка; воспоминаніе же о шестиногомъ лосѣ на небѣ осталось ввидѣ большой медвѣдицы; путь по которому *мосъ хумъ* гналъ лося, называется *мосъ хумъ ѡза лонгха* и есть ничто иное, какъ млечный путь.

22. Лебедь былъ когда-то человѣкомъ, но затѣмъ, во время постоянныхъ дракъ, бывшихъ прежде, онъ сталъ просить *нуми* превратить его въ птицу; желаніе это было исполнено и тогда появился лебедь; доказательствомъ его человѣческаго происхожденія служитъ то, что у него, какъ и у женщины, существуетъ мѣсячное очищеніе.

23. Царемъ птицъ прежде былъ сдѣланъ *миръ суснѣ хумъ* лебедь, а княземъ—орель; но затѣмъ на мѣсто перваго онъ поставилъ журавля, такъ какъ лебедь не умѣетъ во время кричать: весною начинается очень рано, а осенью перестаетъ очень поздно; поэтому остальная птица не знаетъ точно времени прилета и отлета и нерѣдко вслѣдствіе этого погибаетъ.

24. О происхожденіи медвѣды, кромѣ того, что онъ спущенъ съ неба, говорятъ также, что у одной женщины былъ сынъ, который ее ни въ чемъ не слушался; тогда она его проклала, онъ убѣжалъ въ лѣсъ и превратился въ медвѣду.

25. По другому преданію, собака и медвѣда прежде были на небѣ; когда *нуми* ихъ спускалъ и хотѣлъ собакѣ дать лукъ со стрѣлами, чтобы она лучше могла помогать человѣку при его охотѣ, то медвѣда запросилъ себѣ пятый палецъ, при помощи котораго онъ могъбы спастись отъ вооруженной такимъ образомъ собаки; тогда *нуми* рѣшилъ оставить ихъ по прежнему и на прощанье сказалъ собакѣ, что она будетъ ѣсть вмѣстѣ съ человѣкомъ. Она этого не разслышала, обернулась и спросила: «что»? *нуми* повторилъ еще разъ, опять собака не поняла; тогда, разсердясь, онъ ей сказалъ: «Ты ничего не слышишь, съ этихъ поръ ты будешь ѣсть то-же самое, что и человѣкъ, но только не вмѣстѣ съ нимъ. Ступай». Съ этихъ поръ собака постоянно прислушивается, но измѣнить своей судьбы уже не можетъ.

26. По мнѣнію Маньзовъ, огонь—*най*—женщина, а вода—*витъ*—мушина; у огня есть покровители—*наимъ одыръ*, которыми считаются *корсъ торумъ*, *нуми-торумъ*, его семь сыновей и *сяхылъ торумъ*; если очагъ содержится неопратно, то *най* недовольна; если огонь потухаетъ, то это только видимо, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ вѣчень.

27. По мнѣнію маньзовъ, солнце—женщина, а мѣсяцъ и заря—мушины; когда солнце заходитъ, то говорятъ, что оно уходитъ спать; когда отъ него по небу идутъ полосы, то это указываетъ на то, что оно чешетъ себѣ косы.

28. Относительно зари существует такое преданіе: нѣ. сколько выше Половожскихъ юртъ былъ городокъ, въ которомъ жилъ старикъ-богатырь съ четырьмя племянниками. Попли разъ они всѣ воевать за Уралъ; много достали добычи, но за то одного изъ нихъ убили. По возвращеніи сынъ убитаго, остававшійся дома стеречь имущество, сталъ убѣждать всѣхъ идти назадъ мстить за смерть его отца; уговорилъ онъ ихъ, пошли и лишь только перевалили Уралъ, какъ онъ сталъ истреблять рѣшительно все живое—не только людей, но и звѣрей, и птицъ, и рыбъ; даже родные стали его уговаривать, а онъ продолжаетъ свое. Тогда его оставили одного; онъ на это не обратилъ вниманія и пошелъ дальше, продолжая по прежнему все истреблять. Вдругъ онъ видитъ, что ему на встрѣчу идетъ какой-то старикъ, ростомъ выше лѣсу и съ головой больше орлинаго гнѣзда; не испугался онъ, пошелъ на встрѣчу, хочетъ ударить его, а не можетъ: лишь только замахнется, а тотъ какъ-то незамѣтно и отойдетъ; наконецъ, встрѣчный старикъ и говоритъ: «Полно, перестань, не старайся напрасно: я съ неба. Неужели тебѣ мало тѣхъ людей, которыхъ ты истребилъ»?—«Конечно, мало—мнѣ еще надо». Вырвалъ онъ послѣ этого листовницу, взвалилъ ее себѣ на плечи и пошелъ туда, гдѣ увидалъ находится много народу; подошелъ, набросился на народъ и сталъ его бить своей листовницей направо и налево; перебилъ много, а народу все не уменьшается потому, что *нуми* распорядился, чтобы два небесныхъ кузнеца ковали желѣзную полосу, а два плотника—стругали деревянную и чтобы изъ искръ и и изъ стружекъ дѣлались люди. Бьетъ онъ день, бьетъ другой, третій и все не устаетъ, тогда *нуми* самъ спустился на землю, дунулъ на него и полетѣлъ онъ на небо, гдѣ и превратился въ зарю, а такъ какъ онъ былъ весь въ крови, то поэтому и заря всегда бываетъ красная.

Сдѣлавъ это *нуми* и говоритъ: «Такъ поступать нельзя, иначе у меня на землѣ людей не будетъ и мнѣ опять творить придется».

29. Маньзы думаютъ, что въ сумасшедшихъ поселяется *куль*, который помогаетъ имъ и въ случаѣ необходимости защищать ихъ; такъ рассказываютъ, напримѣръ, про одну сумасшедшую, что она каждое утро садилась въ лодку, переправлялась безъ весель, не смотря на сильное теченіе, на другую сторону и тамъ приготовляла себѣ, при помощи *куля*, кушанье изъ листьевъ и земли, чѣмъ обыкновенно и питалась; вслѣдствіе такого взгляда къ нимъ относятся съ уваженіемъ и съ нѣкоторой долей страха и никогда ихъ не обижаютъ и не оскорбляютъ.

Примѣтамъ своимъ маньзы вѣрятъ тѣмъ болѣе, что иногда они находятъ подтвержденіе своимъ предположеніямъ, на что лучше всего можетъ указывать слѣдующій случай.

Версть пятнадцать ниже Югримскихъ юртъ на правой сторонѣ Сѣверной Сосьвы есть озеро, на которомъ находится островъ *усъ сяхылъ*; по срединѣ острова высохшій пенъ кедр, около котораго въ давно минувшія времена нашли будто-бы богатырскую саблю и цѣлый рядъ небольшихъ каменныхъ дисковъ, употребляемыхъ богатырями вмѣсто пращи. Маньзы рассказываютъ, что отъ стариковъ еще идетъ преданіе, по которому, какъ только кедръ засохнетъ и какъ только на его корняхъ появится другое растеніе, немедленно придутъ русскіе и завладѣютъ какъ озеромъ, такъ и островомъ. И дѣйствительно, надо было такъ случиться, что лишь только кедръ засохъ и на его корняхъ появились разные кустарники, островомъ и озеромъ завладѣлъ одинъ изъ Сартыньинскихъ русскихъ обитателей. По рассказамъ, богатырь, жившій здѣсь прежде въ большомъ лиственничномъ и кедровомъ домѣ, отъ котораго теперь остались лишь гнилые столбы, поселился теперь въ озерѣ, въ одномъ укромномъ мѣстѣ, мимо котораго инородцы ѣздить не рискуютъ; про рыбную же ловлю и говорить нечего; даже, не смотря на жажду, воды не пьютъ изъ его мѣстопробыванія; говорятъ, что и русскіе не могутъ безопасно тамъ ѣздить, такъ какъ всегда случается какое-нибудь несчастіе: то лодка потечетъ, то весло сломается, то парусъ разорвется.

II.

Объясненіе сновидѣній.

1. Увидать во снѣ медвѣдя—къ морозу.
2. Увидать во снѣ оленя—къ снѣгу и сильному вѣтру.
3. Увидать во снѣ кусающую или лягающую лошадь — къ болѣзни собственной или кого-нибудь изъ близкихъ.
4. Увидать во снѣ рыбу—къ снѣгу или дождю.
5. Увидать во снѣ *капитана* (окружнаго исправника), *коммиссара* (засѣдателя) и *потруса* (писаря)—къ убыли.
6. Увидать родственниковъ или близкихъ знакомыхъ, живущихъ далеко—къ ихъ болѣзни или смерти.
7. Увидать умершихъ отца съ матерью—къ смерти кого-нибудь изъ рода.
8. Увидать свою нарту полуразрушенной—къ смерти кого-нибудь изъ рода.
9. Увидать лодку, полную муки—къ удачной охотѣ и вообще къ прибыли.
10. Увидать во снѣ голаго—къ хорошей ловлѣ рыбы.
11. Видѣть себя пьянымъ—къ болѣзни.
12. Класть во снѣ муку въ амбаръ — къ удачной рыбной ловлѣ.
13. Видѣть мѣдныя деньги — къ болѣзни и къ неудачѣ.
14. Видѣть священника—къ болѣзни.
15. Если во снѣ падаетъ зубъ безъ крови, то къ удачѣ; если съ кровью, то къ смерти — или собственной, или кого-нибудь изъ близкихъ.
16. Если во снѣ ходишь по водѣ, какъ по льду, то это—къ долгой жизни.
17. Когда во снѣ летаешь, какъ-бы на крыльяхъ, то будешь долго жить.
18. Когда во снѣ падаешь, то скоро умрешь.
19. Ъхать во снѣ внизъ по Оби—къ скорой смерти.

20. Если во снѣ кусаетъ собака—то скоро захвораетъ.

21. Убить во снѣ лебедя или вообще птицу съ какимъ-нибудь звѣремъ—къ удачной охотѣ.

22. Увидать себя или кого-нибудь другого въ дурной одеждѣ—хорошо; въ хорошей —плохо.

23. Увидать во снѣ горящимъ чье-нибудь жилище, къ смерти того, кому оно принадлежить.

Относительно сновъ вообще надо сказать, что вѣры имъ большой не придають и говорятъ, что они служатъ указаніемъ на какую-нибудь болѣзнь или безпокойство; если крѣпко спать, то и сновъ не видать; чаще всего видать сны женщины, затѣмъ мужчины, дѣти и, наконецъ, старики, которымъ вообще мало что снится. Иногда во время сна говорятъ, но и на это вниманія обыкновенно не обращаютъ.

Нульть медвѣдя у инородцевъ Сѣверо-Западной Сибири.

Едва-ли не самымъ важнымъ событіемъ въ жизни инородца Сѣверо-Западной Сибири является охота на медвѣдя, особенно, если она кончается удачно, что бываетъ почти всегда. Охота эта важна не только, какъ доставляющая шкуру и мясо звѣря, но, главнымъ образомъ, по тѣмъ вѣрованіямъ и по тѣмъ обрядамъ, которые ее сопровождаютъ. Убить медвѣдя для инородца не барышъ, хотя его шкура и цѣнится отъ трехъ до десяти рублей. Напротивъ,—удачная охота часто разоряетъ его, по крайней мѣрѣ, на цѣлый годъ, такъ какъ на угощеніяхъ, сопровождающихъ эту охоту, обязательно должно предлагаться гостямъ, не рѣдко съѣзжающимъ за десятки и за сотни верстъ, все лучшее изъ приготовленныхъ запасовъ; и случается, что запасливый хозяинъ, заготовившій себѣ съ осени на цѣлую зиму и весну всевозможныхъ припасовъ, съѣдаетъ ихъ всѣ въ двѣ-три удачныхъ медвѣжьихъ охоты.

Не смотря на это, убить медвѣдя никто не прочь — это считается удальствомъ и честью; только не надо оскорблять тѣни убитаго звѣря, иначе плохо придется бѣдному охотнику: обрушится на него рядъ несчастій, да и въ другой разъ не сдобровать ему, а погибнуть подъ зубами и когтями раздраженнаго звѣря.

Главная охота на медвѣдей происходитъ осенью, когда ихъ мясо и шкура наиболѣе цѣнны; но и въ другое время, даже весною и лѣтомъ, нерѣдко бываютъ такія охоты за хо-

занипомъ земляного дома — *ма колъ ойка*, какъ зовутъ тамъ медвѣдя.

Нарочно медвѣдя не ищутъ, даже если находятъ его слѣды, то уходятъ, не разыскивая берлоги, иначе охотника постигнетъ несчастіе; но если онъ или его собака найдутъ самую берлогу, то смерть медвѣдя уже рѣшена. Если нашедшій не рискуетъ почему-либо идти одинъ на одинъ на медвѣдя, то сообщаетъ о своей находкѣ двумъ, тремъ знакомымъ съ просьбою помочь ему, — другимъ-же о своей находкѣ онъ не говоритъ и не потому, чтобы боялся, что звѣря у него кто-нибудь перехватитъ; нѣтъ, этого никогда не бываетъ: охотничьи права вообще на звѣря, птицу и рыбу, а тѣмъ болѣе на медвѣдя, считаются священными, а просто изъ боязни, что тогда медвѣдь узнаетъ о готовящейся ему опасности и найдетъ средства ея избѣжать. Если найденный медвѣдь, лежитъ въ берлогѣ, то ее осторожно обкладываютъ со всѣхъ сторонъ деревьями, чтобы отнять у него всякую возможность выйти оттуда, оставляютъ лишь одно небольшое отверстіе, черезъ которое и убиваютъ его, стрѣляя нѣсколько разъ изъ ружья или изъ лука; если-же онъ вышелъ изъ берлоги, то его подкарауливаютъ въ ея окрестностяхъ, искусно скрываясь за деревьями и кустами; подпускаютъ его менѣе, чѣмъ на десять шаговъ и стрѣляютъ обыкновенно или въ сердце, или въ глазъ; иногда благодаря плохимъ ружьямъ, до сихъ поръ еще кремневымъ, и сырой погодѣ, происходитъ осѣчка и тогда охотнику волей-неволей приходится браться за ножъ, неизмѣнный спутникъ не только мужчины, но и женщины въ той мѣстности, и, закрывши немного лѣвой рукой голову, браться на медвѣдя; обыкновенно, прежде чѣмъ тотъ успѣетъ принять какія нибудь мѣры предосторожности, онъ уже лежитъ съ распоротымъ брюхомъ; правда, бывають случаи, когда или нога поскользнется, или ножъ сорвется и тогда приходится охотнику испытывать на себя силу и крѣпость медвѣжьихъ зубовъ съ когтями, но и тутъ дѣло до смерти обыкновенно не доходитъ: охотникъ успѣетъ выбрать удобный моментъ и всадить медвѣдю ножъ.

Когда медвѣдь убитъ, то, если онъ лежитъ въ берлогѣ, его вытаскиваютъ оттуда, закидывая обязательно арканъ на шею, и начинаютъ съ цѣлью взаимнаго очищенія бросаться снѣгомъ, лѣтомъ-же и вообще въ теплое время мохомъ и землей; затѣмъ приступаютъ уже къ снятію шкуры, для чего предварительно на грудь и брюхо медвѣдя кладутъ пять или четыре (если убитая-самка) поперечныя палочки, означающія застѣжки ягушки, верхней одежды, дѣлаемой изъ оленьихъ шкуръ шерстью къ верху, иногда съ подкладкой изъ какихъ-нибудь звѣриныхъ или птичьихъ шкурокъ, или безъ нея; разрѣзавши эти палочки, какъ-бы развязавъ застѣжки, сдираютъ кожу со всего тѣла, за исключеніемъ головы и переднихъ лапъ, гдѣ оставляютъ ее съ конца пальцевъ до кистевыхъ сгибовъ. Затѣмъ шкуру и мясо несутъ или везутъ (зависитъ отъ разстоянія) въ домъ, подходя къ которому начинаютъ дѣлать быстрыя движенія и кричать— «*сели, волюмъ охoooo*...» (что это означаетъ рѣшительно никто не могъ объяснить, говоря, что старики такъ кричали и имъ дѣлать тоже велѣли). Принесенное вносится въ домъ наиболѣе зажиточнаго изъ участниковъ охоты, чтобы онъ могъ устроить лучшее угощеніе по убитомъ звѣрѣ и дать ему болѣе удобное помѣщеніе. Женщины тотчасъ-же приступаютъ къ устройству въ переднемъ углу, въ наиболѣе почетномъ мѣстѣ, помѣщенія для убитаго; для этого берется скамейка, столъ или просто очищается на нарахъ мѣсто, достаточное для шкуры, и ее кладутъ туда, подложивши предварительно три, если самецъ, и двѣ, если самка, деревянные перекладки; морда располагается между лапъ и передъ ней ставится нѣсколько оленьихъ изображеній, сдѣланныхъ изъ хлѣба или бересты; на глаза прикрѣпляются серебряныя монеты, на конецъ морды надѣвается берестяной кружокъ и на пальцы, если убитая-самка, кольца; монеты и намордникъ надѣваются потому, что женщины не могутъ недостойны смотрѣть медвѣдю въ глаза и цѣловать его въ губы, что продѣлывается муцинами; поэтому-же женщины закрываютъ свои лица платками, когда видятъ медвѣдя; при вносѣ медвѣдя въ

жилице подъ порогъ обыкновенно кладется топоръ. Послѣ этого приступаютъ къ приготовленію всего необходимаго для праздника, которое совершается всегда по ночамъ, такъ какъ боги преимущественно въ это время посѣщаютъ землю и такимъ образомъ они могутъ видѣть, какъ почитается тѣнь убитаго звѣря; всѣ почести, воздаваемые шкурѣ, имѣютъ своимъ назначеніемъ медвѣжью тѣнь. Приготовленія эти довольно просты: очищается мѣсто въ жильѣ, все лишнее выносится, достается изъ запасовъ рыба и мясо, если есть, водка и табакъ, и разными путями даютъ сосѣдямъ знать о счастливой охотѣ. Всѣ, кто только можетъ, пріѣзжаютъ, причемъ совершенно не обращается никакого вниманія на то, былъ-ли пріѣхавшій приглашенъ или нѣтъ. Празднества продолжаются не менѣе трехъ дней, если убитый—молодой медвѣдь; четырехъ—если самка, и пяти—если самецъ; но это только *не менѣе*; что-же касается до *больше*, то это вполнѣ зависитъ отъ богатства охотниковъ и отъ времени убіенія: если осенью, когда запасовъ еще много, то нерѣдко празднуютъ до двѣнадцати ночей; если-же весною, когда приближается обыкновенное голодное время, то ограничиваются только положеннымъ срокомъ; если у хозяина дома не хватаетъ подъ конецъ запасовъ, то къ нему на помощь являются сосѣди, которые приносятъ то, что у каждаго есть, причемъ отдачи въ такихъ случаяхъ не бываетъ; иногда шкура переносится въ другой домъ даже неучастника охоты, если только онъ человѣкъ со средствами и можетъ достойно отпраздновать оказанную ему честь.

Къ первой ночи, когда еще не всѣ знаютъ о случившемся, съѣзжаются обыкновенно немногіе; но затѣмъ, когда слухъ объ удачной охотѣ разойдется на большое пространство, то собирается до шестидесяти, до ста человѣкъ, что при тѣхъ громадныхъ разстояніяхъ и при той рѣдкости населенія, которая замѣчается тамъ, представляетъ уже сборище громадное. Меня всегда удивляла та быстрота, съ которой распространяются тамъ всевозможные слухи, что зависитъ отъ сильнаго

расположенія и любви инородцевъ ко всѣмъ новостямъ и сходбищамъ, а также и отъ того, что проѣхать въ одинъ день верстѣ 150—200 инородцу, имѣющему своихъ оленей, ничего не стоитъ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему описанію чествованія медвѣдя, необходимо оговориться, что теперь, при увеличивающемся съ каждымъ годомъ обрусѣніи мѣстныхъ жителей, прежніе обряды и вѣрованія забываются настолько, что въ настоящее время почти невозможно встрѣтить человѣка, вполне знающаго всѣ эти обряды, соединенные съ празднествами въ честь медвѣдя; забываются они на столько, что даже сами инородцы это сознаютъ и иногда выписываютъ какого-нибудь старика за двѣ—три сотни верстѣ, разъ онъ знаетъ всѣ пѣсни и представленія, безъ которыхъ праздникъ не въ праздникъ и о которыхъ рѣчь будетъ дальше. Особенно сильно все забыто остяками—жителями главнаго теченія Оби; почти все, здѣсь описанное, составлено, главнымъ образомъ, на основаніи видѣннаго у маньзовъ и у нѣкоторыхъ остяковъ, живущихъ по мелкимъ рѣчкамъ, входящимъ въ систему рѣки Оби; что же касается до самоѣдовъ, то вслѣдствіе еще большей разрозненности, которая существуетъ между ними, благодаря, преимущественно, разстояніямъ, коллективныя празднества у нихъ устраиваются очень рѣдко. Тѣмъ не менѣе они также смотрятъ на бѣлаго медвѣдя, чаще встрѣчаемаго въ ихъ владѣніяхъ, сравнительно съ бурымъ, какъ на посланника съ неба, тѣмъ болѣе достойнаго всякаго почтенія, что онъ познакомилъ людей съ полученіемъ и съ употребленіемъ огня — взгляды, существующій точно также и у маньзовъ съ остяками.

Наконецъ, все готово, наступаютъ сумерки, гости понемногу сходятся и сѣзжаются, начинается оживленіе, которое, увеличиваясь все болѣе и болѣе, въ концѣ ночи достигаетъ своего предѣла. Охотникъ, убившій медвѣдя, сидитъ у него по правой сторонѣ и лѣвую руку держитъ у него на шеѣ; по лѣвой сидятъ играющіе на *самульдапъ*—музыкальномъ инстру-

ментѣ, имѣющемъ видѣ длиннаго, узкаго ящика, снабженнаго пятью струнами, большею частью, изъ оленьихъ жилъ; при игрѣ инструментъ кладутъ на колѣни и начинаютъ перебирать струны сразу двумя руками, причемъ звукъ получается въ высшей степени мягкій и мелодичный; онъ пользуется большимъ распространеніемъ и, главнымъ образомъ, встрѣчается на притокахъ средняго теченія Оби; дѣлается, преимущественно, изъ ели. Всякаго, въ первый разъ входящаго въ домъ, гдѣ лежитъ медвѣжья шкура, обливаютъ немного водой или осыпаютъ снѣгомъ; дѣлается это, понятно, съ цѣлью очищенія, такъ какъ всѣ обряды носятъ на себѣ характеръ религіозный. Всѣ празднества заключаются въ пѣніи, пляскѣ, представленіяхъ и угощеніяхъ между ними, когда обязательно пляшутъ. Присутствуя въ первый разъ на этихъ ночахъ, я былъ въ высшей степени пораженъ, когда увидаль нѣчто вродѣ представленій, состоящихъ изъ отдѣльныхъ сценъ самаго разнообразнаго характера, носящихъ иногда, съ точки зрѣнія европейца, въ высшей степени неприличный оттѣнокъ, но за то не рѣдко полныхъ комизма или драматизма. Представляютъ всегда мужчины; если надо изображать женщину, то они надѣваютъ женскій костюмъ и стараются, по мѣрѣ возможности, подражать женщинѣ въ походкѣ, въ голосѣ и въ движеніяхъ; число участвующихъ рѣдко бываетъ болѣе трехъ; они всегда надѣваютъ на лицо маски, преимущественно берестяныя и рѣдко деревянныя, большею частью довольно уродливой формы; на этихъ маскахъ красной краской—*кэригъ*—или котельной сажей дѣлаются брови, усы и борода; иногда къ носу или къ подбородку подвязываются какіе-нибудь кружечки и треугольники, и т. д., причемъ носы дѣлаются обыкновенно самой уродливой формы; назначеніе масокъ скрывать лица играющихъ отъ медвѣдя и отъ зрителей, потому что хотя медвѣдь и любитъ увеселенія, но не любитъ нахальства и поѣтому плясать и въ то-же время смотрѣть ему въ глаза нельзя; что же касается до такого отношенія къ зрителямъ, то, быть можетъ, оно вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что

играющіе часто позволяют себѣ высказывать своему начальству, особенно родовому, довольно ѣдкую правду и сердиться за это, по обычаю, нельзя. Костюмы надѣваютъ обыкновенные, только нѣсколько измѣненные—вывернутые, съ придѣланнымъ горбомъ, и т. д.; говорятъ при этомъ обыкновенно не своимъ голосомъ и хотя всѣ присутствующіе, по крайней мѣрѣ, теперь, отлично знаютъ, кто играетъ и кто какъ одѣтъ, но не одинъ изъ нихъ не можетъ называть участвующихъ ихъ обыкновенными именами, а какими-нибудь вымышленными; даже участники, по отношенію другъ къ другу, должны строго это соблюдать. Говорить и дѣлать имъ разрѣшается положительно все: ихъ личность на время представленій забывается и даже не вспоминается послѣ; остается только слава хорошаго актера, и эта свобода доходитъ до того, что какой-нибудь родовой старшина, который строго наказалъ-бы въ иное время человѣка, осмѣливающагося указывать на его поборы и неправильныя дѣянія, теперь долженъ на ряду со всѣми выслушивать всѣ насмѣшки и нападки, иногда въ высшей степени мѣткія, не смѣя ничѣмъ ихъ остановить; и это обстоятельство заставляетъ еще болѣе всѣхъ стремиться на эти празднества, потому что по своей природѣ нѣкоторые изъ инородцевъ сѣверо-западной Сибири, особенно маньзы, въ высшей степени народъ насмѣшливый.

Всякая ночь начинается съ пѣнія: обыкновенно трое мушницъ въ шапкахъ или, вообще, имѣя голову тѣмъ-нибудь покрытой, становятся передъ медвѣдемъ, предварительно отвѣсивши ему низкій поклонъ, берутся мизинцами за руки, и размахивая ими все время, начинаютъ пѣть. При окончаніи каждой пѣсни одинъ изъ почетныхъ гостей, сидящій по лѣвой рукѣ отъ медвѣдя, или звонитъ въ обыкновенный колокольчикъ, или ударяетъ палкой въ металлическую доску, послѣ чего дѣлается короткій промежутокъ для отдохновенія пѣвцовъ и затѣмъ начинаютъ вторую пѣсню, послѣ—третью; если убитый медвѣдь самецъ, то иногда поютъ до пяти пѣсенъ, при самкѣ до четырехъ, а при маленькомъ иногда ограничиваются

и двумя, хотя обыкновенно бывают три. Пѣснями оканчивается первая половина ночи, послѣ чего начинается вторая, состоящая только изъ представленія отдѣльныхъ сценъ, раздѣленныхъ между собою большею частью плясками; между первой и второй половиной обыкновенно происходитъ угощеніе гостеприимнымъ хозяиномъ всѣхъ присутствующихъ. Во время пѣнія музыки не бываетъ, всѣ молчатъ и съ глубокимъ вниманіемъ слушаютъ пѣсни; поютъ безъ масокъ и безъ костюмовъ; поющіе иногда мѣняются мѣстами, такъ какъ поетъ, главнымъ образомъ, только стоящій въ серединѣ, а остальные ему подтягиваютъ; когда средній устааетъ, то его замѣняетъ или одинъ изъ крайнихъ, или кто-нибудь изъ присутствующихъ. Мотивъ пѣсенъ довольно разнообразный: то живой, то медленный, то страстный, то монотонный, то веселый, то грустный; послѣ послѣдней пѣсни пѣвцы иногда сами тотчасъ-же начинаютъ плясать, только подъ музыку, и въ обѣ руки берутъ по платку, которыми постоянно машутъ. Сюжеты пѣсенъ различны: поютъ про медвѣдя, какъ онъ гулялъ по лѣсу, какъ нашелъ себѣ подругу, какъ сдѣлалъ берлогу; поютъ про его прежнюю жизнь на небѣ и на землѣ; поютъ про богатырей и прежнее славное время, когда не было пришельцевъ и всего было вдоволь — и звѣря, и птицы, и рыбы; поютъ про боговъ, про ихъ любовь и ненависть другъ къ другу и про ихъ отношенія къ людямъ. Пляски, бывающія между пѣснями, принаравливаются болѣе или менѣе къ ихъ содержанію: если поютъ про медвѣдя, то подражаютъ ему, если про *манквоох*, то имъ, дѣлая сильныя тѣлодвиженія, съ присвистомъ, топотомъ, какъ обыкновенно, по мнѣнію инородцевъ, дѣлаютъ лѣсныя боже-ства. При началѣ и окончаніи каждой пляски, пѣсни и представленія всегда отдаютъ низкій поклонъ медвѣдю, какъ и при входѣ въ жилье, гдѣ лежитъ его шкура; всякій вновь пришедшій цѣлуетъ его, мущины прямо въ морду, а женщины чрезъ платокъ, несмотря даже на прикрѣпленный берестяной кружокъ. Между отдѣльными сценами пляшутъ не только мущины, но и женщины съ дѣтьми, причемъ только онѣ все-

гда закрываютъ лицо платкомъ, а руки втягиваютъ въ рукава, чтобы не показывать медвѣдю голаго тѣла; во время пляски руки у женщинъ всегда бывають согнуты въ локтяхъ и немного приподняты пальцами кверху; онѣ ихъ поднимають и опускають въ тактъ музыкѣ. Послѣ всякой сцены представляющіе немного пляшутъ, но затѣмъ ихъ замѣняютъ другіе. Во время празднованія убитый медвѣдя выходитъ иногда изъ жилища, беретъ лукъ и, повернувшись къ дому задомъ, стрѣляетъ и смотритъ, куда попадетъ стрѣла: если въ самое верхнее бревно, то это означаетъ, что онъ еще убьетъ въ этомъ году одного медвѣдя; если въ одно изъ нижнихъ, то такого случая ждать ему придется долго; вообще, въ какое бревно сверху онъ попадетъ, чрезъ столько лѣтъ и звѣрь будетъ убитъ; тоже самое узнають также въ послѣднюю ночь, когда выносятъ медвѣжью шкуру: для этого при выносѣ медвѣдя убитый его спрашиваетъ вслухъ, а большею частью на ухо, скоро-ли будетъ опять убитъ медвѣдь и кто изъ присутствующихъ его добудетъ, при чемъ называетъ присутствующихъ; если скажетъ вѣрно, то шкура подымется съ мѣста легко, если нѣтъ, то тяжело; иногда съ тою же цѣлью кто-нибудь изъ участвующихъ въ пляскѣ стрѣляетъ изъ лука и если попадаетъ, не цѣлясь, въ щель, то значить, что въ той-же избѣ скоро будетъ происходить новое празднество. Въ послѣднюю ночь на разсвѣтѣ шкуру выносятъ въ поле, при чемъ какъ во время пути, такъ и на мѣстѣ, бросаются снѣгомъ и борются другъ съ другомъ; женщины въ поле не выходятъ, только при выносѣ шкуры онѣ бросаются снѣгомъ и обливаются водой, затѣмъ начинаютъ варить себѣ медвѣжьей задъ, предоставляемый въ ихъ распоряженіе; мужчины же въ полѣ готовятъ себѣ голову, сердце и лапы, остальное мясо съѣдается раньше во время представленій. Послѣ ѣды медвѣжьего мяса обыкновенно вытирають себѣ губы и руки деревянными стружками—*отленъ*, предварительно поддержанными въ дыму, которыя затѣмъ бросаютъ въ огонь, куда бросаютъ также и все то, что остается послѣ медвѣдя, чтобы оно не попало соба-

камъ или птицамъ (деньги, закрывающія глаза, беретъ себѣ хозяинъ дома). При сдираніи шкуры, при варкѣ мяса—кости никогда не раздробляются, а всегда разъединяются по суставамъ. Когда въ послѣднюю ночь при выносѣ шкуры въ тундру или лѣсъ, варятъ голову, то черепъ вѣшаютъ куда-нибудь на близъ стоящее дерево, въ полной увѣренности, что медвѣдь, благодарный за всѣ почести, которыя ему были оказаны послѣ смерти, будетъ приносить счастье всѣмъ присутствующимъ на празднествахъ; шкура его большею частью жертвуется богамъ, а клыки и когти вырываютъ, какъ предметы, имѣющіе религіозное значеніе. Этимъ собственно и оканчиваются празднества въ честь медвѣдя; на день между ночами шкуру медвѣдя покрываютъ платками и стараются изъ того помѣщенія, гдѣ она лежитъ, выходить задомъ, къ ней не повертываясь; во время представленій надѣвается лучшая одежда. Надо оговориться, что не всегда впрочемъ убіеніе медвѣдя сопровождается такими празднествами: если при охотѣ онъ задержитъ кого-нибудь изъ охотниковъ, то братъ или вообще близкій родственникъ убитаго долженъ обязательно найти этого медвѣдя и или убить его, или погибнуть; если удастся сдѣлать первое, то тѣло медвѣдя вмѣстѣ со шкурой и костями сжигаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ зарѣзалъ человѣка, и послѣ этого такой охотникъ можетъ, въ случаѣ еще удачной охоты, уже не соблюдать никакихъ обрядовъ и даже можетъ рубить кости медвѣдя.

Существуетъ помимо сказаннаго не мало указаній на то, что медвѣдя считаютъ за священнаго звѣря; напримѣръ, надъ его лапой и мордой клянутся; причемъ дающій клятву грызетъ лапу или три раза замахивается топоромъ надъ висающимъ на деревѣ черепомъ, говоря, пусть его медвѣдь также загрызетъ и загубитъ, какъ это онъ дѣлаетъ теперь съ головой и ногой; если женщина случайно набредетъ на медвѣжьи слѣды, то она должна ихъ обойти или же положить что-нибудь на слѣды ввидѣ жертвы; если-же нѣтъ ничего, то вырвать хотя нѣсколько волосъ; наконецъ, самое преданіе относительно

его происхожденія, наиболѣе распространенное, даетъ полное основаніе смотрѣть на медвѣдя, какъ на звѣря священнаго. Преданіе это таково: у *нуми торумъ* на небѣ въ золотомъ его домѣ въ переднемъ углу на сукнѣ жилъ медвѣдь. Разъ *нуми* пошелъ на охоту и, уходя, заперъ медвѣдя, предупредивъ его, чтобы онъ дверей не ломалъ, а сидѣлъ-бы дома. Сидѣлъ медвѣдь долго, надоѣло ему; подошелъ къ дверямъ, попробовалъ ихъ—заперты; сталъ напирать на нихъ, замок и сломался; испугался вначалѣ, но потомъ видитъ — бога нѣтъ, вышелъ изъ дому и пошелъ гулять; гулялъ долго—все одно и то же — лѣсу нѣтъ, одна только трава, скучно стало; вдругъ видитъ божьихъ лошадей, побѣжалъ къ нимъ, хотѣлъ поиграть съ ними, а онѣ испугались и бросились въ сторону; онъ за ними—вдругъ оступился, смотритъ — яма, внизу которой виднѣются многочисленные лѣса и воды; захотѣлось туда, а нельзя—дороги нѣтъ. Бился медвѣдь долго, но ничего не добился, разсердился, пошелъ домой и по дорогѣ сталъ все ломать; приходитъ и прежде всего разорвалъ свою постель. Вдругъ слышитъ медвѣдь, возвращается богъ, подходитъ къ дому и такъ сильно отрясаетъ лѣжи, что самъ говоритъ: «если-бы не сынъ мнѣ ихъ дѣлалъ, давно-бы онѣ у меня сломались». Входитъ въ домъ, видитъ вездѣ беспорядокъ, спрашиваетъ медвѣдя, уже смирно сидящаго въ углу: «это что?» Тотъ волей не волей долженъ былъ сознаться, какъ все было, только извинялъ себя тѣмъ, что ему надоѣло очень сидѣть и онъ пошелъ. Разсердился на него богъ, обругалъ его, затѣмъ надѣлъ фартукъ и сталъ изъ старыхъ ножей, топоровъ и лопатъ готовить цѣпь длиною въ триста сажень; сдѣлалъ затѣмъ изъ бересты люльку, посадилъ туда медвѣдя, который во все время подготовительныхъ работъ дрожалъ отъ страха, и подвелъ его къ отверстию, виденному медвѣдемъ съ неба; спустилъ туда люльку и подвѣсилъ ее такъ, чтобы она земли не касалась и чтобы вѣтеръ свободно качалъ ее изъ стороны въ сторону, для чего поднялъ сильную бурю. Отъ этого медвѣдя закачало до того, что, когда богъ

на третій день подошелъ къ отверстию и спросилъ медвѣдя—каково ему живется, онъ немедленно сказалъ: «какъ тебѣ не стыдно надо мною смѣяться, я и такъ чуть живъ».

Послѣ этого богъ смилостивился и говоритъ: «Это я тебѣ въ наказанье. Теперь-же я исполню твое желаніе, спущу тебя на землю, только смотри—не ѣшь ничего изъ человѣческихъ амбаровъ, а то отощашь и погибнешь; если исполнишь приказаніе, то будешь жирнымъ; поручить тебѣ рыбу и другіе запасы въ амбарахъ нельзя потому, что ты будешь ихъ разорять и даже людей убивать».

Спустился медвѣдь, обѣщая исполнить приказаніе, но лишь только увидалъ человѣчскій амбаръ, какъ взломалъ его и сталъ ѣсть все, что тамъ только было. Результаты такого непослушанія обнаружались скоро и онъ отошалъ до того, что еле сталъ ходить. Увидала его разъ росомаха, спросила, отчего онъ такой худой; тотъ повѣдалъ ей свое горе; посоветовала она ему быть послушнымъ, и, дѣйствительно, лишь только онъ исправился и пересталъ трогать человѣчскіе запасы, какъ опять сдѣлался жирнымъ. На зиму онъ себѣ сдѣлалъ, по указанію бога, домъ въ землѣ — берлогу и питался тѣмъ, что сосалъ особый комочекъ, полученный имъ отъ бога при спусканіи его на землю. Жилъ онъ такъ долго, питаясь ягодами и корнями, но и ему насталъ конецъ: разъ увидалъ его богатырь *узунъ одыръ нызъ*, убилъ его, но этого еще мало, а сталъ даже насмѣхаться, употребляя переднія лапы какъ метелки для полу и для очага, заднія—какъ лопатки, а всей шкурой сталъ затыкать чуваль; оскорбилась на это тѣнь медвѣдя, пошла въ лѣсъ и привела съ собой новыхъ десять медвѣдей. Узнавъ про готовящуюся ему опасность, *озунъ одыръ нызъ* устроилъ амбаръ на высокихъ ножкахъ, что бы было удобнѣе защищаться, и приготовилъ камней и дубинъ; пришедшихъ медвѣдей, не смотря на ихъ силу, онъ всѣхъ перебилъ, такая-же участь постигла и вновь приходившихъ, вначалѣ двадцать, потомъ тридцать, наконецъ сорока. Тогда пришли пятьдесятъ одинъ медвѣдь, изъ кото-

рых послѣдній былъ пестрый (это именно тотъ, который былъ спущенъ съ неба: *нуми-торумъ* позволилъ его тѣни принять прежній видъ и быть вѣчнымъ обитателемъ земли, вотъ почему еще до сихъ поръ его иногда видятъ на Уралѣ). *Озынъ одыръ ныхъ* пятьдесятъ убилъ, но пестраго одолѣть не могъ; испуганный онъ спрятался въ амбаръ, но амбаръ скоро былъ разбитъ; онъ перебѣжалъ въ домъ, крыша котораго была покрыта цѣлыми листовницами, но и это не помогло; крыша скоро была вся разметана. Запросилъ тогда *озынъ одыръ ныхъ* прощенія, говоря: «я не зналъ, что богомъ положено почитать медвѣдей, да, по правдѣ сказать, и теперь не совсѣмъ вѣрю; если хочешь доказать, съѣшь этотъ топоръ». Думалъ онъ, что медвѣдь обломаетъ себѣ всѣ зубы, но этого не случилось: топоръ былъ весь изгрызенъ и *озынъ одыръ ныхъ*, не смотря на свое обѣщаніе жить мирно, растерзанъ.

Про происхожденіе приведенныхъ медвѣдей рассказываютъ слѣдующее: въ одномъ селеніи на землѣ жила одна женщина съ сыномъ, который былъ такъ силенъ, что еще въ малолѣтствѣ съ кѣмъ ни начнетъ играть, непременно всякаго обидитъ, а иногда и убьетъ; просила, умоляла мать, приказывала, наконецъ, ему быть осторожнѣе, но ничто не помогало и она, выведенная изъ терпѣнія, проклѣяла его. Богъ услышалъ это проклятiе и наказалъ непослушнаго сына: разъ пошелъ онъ гулять и съ удивленіемъ сталъ замѣчать, что всѣ собаки, какія только его ни увидятъ, съ страшнымъ лаемъ и воемъ бросаются отъ него въ сторону; оглянулся на себя и увидалъ себя всего покрытымъ волосами: онъ превратился въ медвѣда. Вернулся домой, подошелъ къ матери, та испугалась, не узнала его, бросилась бѣжать; онъ ее отановилъ и назвалъ; стала она плакать, просить бога о прощеніи; затѣмъ принялась его упрекать, затѣмъ ояъ довелъ ее до того, что она его проклѣяла. Разсердился тутъ сынъ и зарычалъ: «молчи, если-бъ ты не была моей матерью, я растерзалъ-бы тебя», поцѣловалъ ее и ушелъ на всегда въ

лѣсъ, гдѣ нашель себѣ подругу изъ богатырскихъ дочерей, превращенную въ медвѣдицу за избіеніе по злости всѣхъ своихъ братьевъ, и зажилъ съ нею, прижилъ дѣтей, такъ что теперь медвѣди являются потомками этой четы. Какъ и спущеннаго съ неба, такъ и превращенныхъ, *нуми торумъ* сдѣлалъ представителями истины и справедливости на землѣ: «ѣшьте только тѣхъ людей и тотъ скотъ, которые въ чемъ-нибудь провинились и на которые вамъ будетъ указано; другихъ-же не трогайте, — иначе сами погибнете». Не мудрено поэтому, что всякій, сознающій за собой грѣхъ (а у кого его нѣтъ?), невольно дрожить при встрѣчѣ съ медвѣдемъ; но тѣмъ не менѣе всякій стремится на охоту за нимъ, хотя и со страхомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тайной надеждой, что богъ пошлетъ ему такого медвѣдя, который согрѣшилъ чѣмъ-нибудь и котораго богъ рѣшилъ наказать и исполнителемъ этого наказанія избереть его — угоднаго себѣ челоуѣка. Кромѣ того, богъ разрѣшилъ медвѣдамъ мстить тѣмъ людямъ, которые при жизни или по ихъ смерти будутъ надъ ними насмѣхаться или оказывать малое почтеніе: хотя и убитый, а онъ всетаки все видитъ и слышитъ; вотъ почему каждый инородецъ, убившій медвѣдя, бьется изо всѣхъ силъ, чтобы только доказать, какъ онъ любитъ и уважаетъ медвѣдя, считывая, что всѣ знаки проявленія этихъ чувствъ вознаграждаются ему затѣмъ сторицей; заабриваетъ онъ его, извиняется, что убилъ, говоря: «ты прости меня и не суди строго, вѣдь убилъ тебя не я, а русскій: отъ него я получилъ ружье, порохъ, свинець, я же тебя всегда любилъ и уважалъ и въ доказательство этого устрою празднество въ твою честь». И устраивается это празднество, стекаются на него со всѣхъ сторонъ сосѣди и славятъ убитаго звѣря, поминая его подвиги за питье и ѣдой и прося Гать имъ возможность еще разъ повеселиться и почтить его.

Представленія, разыгрываемыя во время празднества въ честь медвѣдя, довольно разнообразны и многочисленны: мнѣ пришлось ихъ видѣть, конечно, далеко не всѣ, тѣмъ болѣе,

что даже въ послѣднее время составляются новыя, что зависить отъ умѣнія представляющихъ. Полагается вообще, чтобы каждую ночь разыгрывались новыя сцены и такъ какъ иногда празднества продолжаются двѣнадцать ночей, то, даже считая по десяти сценъ каждую ночь, мы получимъ большое число—въ 120. Изъ этихъ сценъ въ послѣднюю ночь обязательно берутъ такія, гдѣ выступаютъ дѣйствующими лицами боги, которые призываются какъ-бы свидѣтелями хорошаго обращенія съ медвѣдемъ. Нѣкоторыя сцены въ высшей степени неприличны, да и вообще надо сказать, что на этихъ представленіяхъ допускается рѣшительно все: всевозможныя жесты, движенія, остроты какъ безличныя, такъ и имѣющія отношеніе къ какому-нибудь извѣстному лицу или къ кому-нибудь изъ присутствующихъ, которые нерѣдко берутся за объектъ той или другой сцены: обижаться при этомъ на артистовъ нельзя, такъ какъ тутъ они не считаются простыми обыкновенными людьми, а особенными, способными принимать видъ того или другого представляемаго лица.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію отдѣльныхъ сценъ, необходимо оговориться, что во время представленій существуетъ обычай разговаривать публикѣ съ играющими и наоборотъ. Видѣнные мною представленія были слѣдующаго содержанія:

Первая сцена. Входятъ на лыжахъ, какъ-бы издалека трое мужчинъ, видятъ много собравшагося народу, удивляются и спрашиваютъ, что ихъ сюда привело. Одинъ изъ присутствующихъ на это имъ отвѣчаетъ: развѣ они не знаютъ, что такой-то убилъ медвѣда и шкура его лежитъ тутъ-же въ помѣщеніи и что они собрались воздать ему послѣдній долгъ. Пришедшіе вначалѣ не понимаютъ, смѣшиваютъ слова, острятъ, но затѣмъ когда, видятъ шкуру, моментально бросаются къ выходу, давъ другъ друга; ихъ уговариваютъ, останавливаютъ, они понемногу начинаютъ подходить, но всетаки дрожать, нѣсколько разъ опять убѣгаютъ, двое даже не возвращаются, а третій остается и со страхомъ и съ трепетомъ подходить къ медвѣду и осторожно цѣлуетъ его въ морду. Для образца

остроты приведу одну, имѣющую отношеніе къ описанной сценѣ: когда пришедшіе спрашиваютъ, что за причина собранія, то имъ отвѣчаютъ: «развѣ они не видятъ звѣря — *уй*» (такъ иногда зовутъ медвѣдя); тѣ переспрашиваютъ и со смѣхомъ повторяютъ — *пуй — апис*. Другія остроты въ такомъ-же родѣ.

Вторая сцена Два охотника, прежде никогда не видавшіе медвѣдя, случайно въ лѣсу наткнулись на его берлогу; вначалѣ испугались, но затѣмъ стали думать, какъ-бы имъ добыть этого звѣря; думали, думали, ни до чего не додумались; рѣшили идти къ одной умной старухѣ, которая отъ старости еле ходила, но къ которой часто обращались люди за разными совѣтами; она выслушала ихъ просьбу; объяснила имъ, что видѣнный ими звѣрь — медвѣдь, и научила, какъ его добыть. Поблагодаривши за совѣты, они вернулись къ берлогѣ и стали дѣлать все такъ, какъ ихъ учила старуха: обложили берлогу деревьями, оставили лишь небольшое отверстіе, въ которое выстрѣлили нѣсколько разъ изъ лука; затѣмъ накинули на шею уже убитаго звѣря петлю, вытащили, положили на грудь поперекъ пять палочекъ (убитый былъ самецъ), разрѣзали ихъ и стали снимать шкуру, оставивъ ее только на головѣ и переднихъ лапахъ; однимъ словомъ, они сдѣлали все то, что дѣлается и теперь и что было описано раньше: такъ строго хранить инородцы завѣтъ старухи. Послѣ, снявши шкуру, съ пѣснями понесли ее домой. Роль медвѣдя исполняла дубинка, покрытая малицей.

Третья сцена. Три брата, изъ которыхъ младшій совсѣмъ дуракъ, пошли на охоту; старшій для счастья взялъ съ собой изображеніе *манька*. Во время пути младшаго не разъ приходилось бить за его глупые поступки: то котель вылетѣть, то собаку убьетъ и т. д. Приходятъ на мѣсто, поставили шалашъ, сварили пицци и пошли лѣсовать; старшій нашель берлогу, но, вернувшись вечеромъ къ шалашу, объ этомъ братьямъ ничего не сказалъ, боясь, какъ-бы медвѣдь не узналъ про готовящуюся ему опасность, и только утромъ сообщилъ братьямъ о своей находкѣ, свѣдѣніе о которой не было встрѣ-

чено съ большею радостью; мало того, братья даже отказались идти на охоту; это сильно разсердило старшаго, онъ ихъ поколотилъ и только тогда всё пошли; приходятъ къ берлогу, старшій бросаетъ туда изображеніе *мэнква*; раздается трескъ; братья думаютъ, что это *мэнквз* ломаетъ медвѣдя, но къ сожалѣнію скоро въ этомъ разубѣдились, такъ какъ изъ берлоги выскочилъ звѣрь, бросился на средняго брата и загрызъ его; остальные убѣжали, причемъ младшій залѣзъ на дерево. Послѣ того какъ медвѣдь скрылся, старшій вышелъ изъ-за-деревьевъ и сталъ искать младшаго; искалъ долго, наконецъ увидалъ его сидящимъ на деревѣ; сталъ звать—нейдетъ; схватилъ топоръ и подрубилъ дерево; младшій упалъ и при паденіи убился до смерти; видитъ старшій, что его дѣла плохи—два брата погибли; положилъ ихъ рядомъ, сталъ надувать *рег апит*, они и ожили; всё вскочили и стали плясать.

Четвертая сцена. Три охотника съ верховьевъ Оби попали на Сѣверную Сосьву; охота ихъ была удачна: у нихъ было много шкурокъ и они всю дорогу пили; наконецъ, водка вышла и они по дорогѣ зашли въ то селеніе, гдѣ былъ убитый медвѣдь; видятъ стеченіе народа, слышать пѣніе и музыку, рѣшили войти въ домъ, надѣясь, что ихъ—пришельцевъ не прогонятъ. Войдя, они всёмъ поклонились; объявили, кто они и стали просить позволенія примкнуть къ ихъ празднеству. Присутствующіе согласились, пришедшіе послали за водкой и началось пированіе съ плясками.

Пятая сцена. Входитъ на лыжахъ одинъ инородецъ съ гордой осанкой и съ чувствомъ собственного достоинства: онъ никого не боится и для него страшнаго ничего не существуетъ. Видитъ медвѣдя; спрашиваетъ—это что такое; и на отвѣтъ, что это—звѣрь священный, котораго необходимо почитать, подходитъ къ нему и бьетъ его по щекѣ. Публика въ ужасѣ; предсказываетъ ему всевозможныя несчастія, но онъ на это не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія и по прежнему продолжаетъ восхвалять собственную храбрость. Вдругъ на полусловѣ онъ останавливается, моментально пово-

рачивается назадъ, смотритъ себѣ на ноги и ничего не видитъ. Его спрашиваютъ, что съ нимъ и онъ отвѣчаетъ, что ничего; не смотря на это, онъ къ чему-то сталъ прислушиваться и нерѣдко оглядываться назадъ; наконецъ, оборачивается къ публикѣ и проситъ спасти его отъ враговъ, которые у него бѣгаютъ между ногами.

Публика вглядывается и видитъ, что это бѣгаетъ небольшая мышь, смѣется; но пришедшему отъ этого не легче и онъ проситъ защиты; наконецъ падаетъ на колѣни и молитъ дать ему возможность пожить еще немного и убить эту мышь, при чемъ сознается, что онъ всего боится и далеко не такъ храбръ, какъ это только что говорилъ. Публика милостива, все прощается и начинается по прежнему всеобщая пляска.

Шестая сцена. Входитъ отецъ съ застѣнчивымъ сыномъ, который ничего еще не видалъ и всего пугается: видя массу народу, онъ бѣжитъ къ дверямъ, но отецъ его удерживаетъ; видитъ медвѣдя — дрожитъ; отецъ уговариваетъ его; это отчасти помогаетъ, онъ начинаетъ подплясывать и подъ конецъ входитъ уже въ экстазъ; при видѣ этого начинаетъ плясать и отецъ.

Седьмая сцена. Отецъ, мать и сынъ плывутъ на лодкѣ по рѣкѣ; увидалъ сынъ на берегу черемуху, проситъ выпустить его съ лодки за нуждой; подплыли къ берегу, слѣзъ сынъ и на приказъ матери—скорѣе возвращаться и черемухи не ѣсть, отвѣчалъ—хорошо; ждали его долго—все не возвращается; наконецъ, за нимъ пошла мать и привела съ собой, предварительно не мало поругавши. Поплыли дальше, но отѣхали немного, сталъ сынъ жаловаться на боль въ животѣ и скорѣе умеръ; старики сейчасъ-же начали его продувать и спереди, и сзади; ничто не помогаетъ; отецъ сдѣлалъ гробъ и пошелъ съ нимъ отыскивать гдѣ-нибудь укромное мѣсто; идетъ и поетъ про то, какъ разъ одинъ старикъ заблудился въ лѣсу, какъ онъ незамѣтно провалился въ медвѣжью берлогу и какъ ему испуганному этимъ медвѣдъ сталъ давать въ руки какой-то комокъ; слышалъ онъ отъ стариковъ, что

богъ медвѣдю на зиму даль комокъ, который тотъ и сосеть всю зимнюю пору и такимъ образомъ насыщается и не умираетъ съ голоду. Сталь старикъ лизать данный ему предметъ; полизалъ и заснулъ; чрезъ нѣсколько времени проснулся, пососалъ опять комокъ, повернулся на другой бокъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что подъ него начинаетъ течь вода; проснулся, оглядѣлся, видитъ весна настала, берлога покрыта водой, а медвѣдя и слѣдъ простылъ. Вышелъ изъ берлоги и думаетъ, куда-же ему идти: заблудился осенью, а теперь весна: вдругъ видитъ вдали медвѣдя, который его манить къ себѣ; пошелъ за нимъ и чрезъ нѣсколько времени вышелъ на дорогу, по которой благополучно добрался до дому. Пока пѣлъ пѣсню старикъ, и усталости не замѣчалъ, неся гробъ; но потомъ сѣлъ отдохнуть, вынулъ изъ гроба сына, отрубилъ ему ноги и понесъ; чрезъ нѣсколько времени опять стало тяжело — отрубилъ туловище по поясицу; въ третій разъ — руки по локтямъ; наконецъ, въ четвертый разъ голову, а затѣмъ бросилъ и все остальное, остался только гробъ. Приходить на мѣсто, а жена, обогнавъ его, уже тамъ; захотѣлось ей еще разъ взглянуть на сына, открываетъ гробъ, а тамъ нѣтъ ничего. Мужъ дѣлаетъ удивленное лицо и говоритъ, что навѣрное *нуми торумъ* взялъ его къ себѣ на небо; жена вѣритъ и на радостяхъ начинаетъ плясать вмѣстѣ съ мужемъ.

Восьмая сцена. Иноходецъ на собачьей нартѣ ѣдетъ на рѣку осматривать удобное мѣсто для запору; скоро находитъ его и дѣлаетъ все необходимое; возвращается назадъ, при чемъ собаки такъ быстро мчатся, что онъ еле сидитъ; на другой день поѣхалъ смотрѣть, не попалози чего-нибудь; оказывается, рыбы такъ много, что не помѣщается вся на нарту и часть приходится оставить; ѣдетъ домой и поетъ про то, какъ хорошо ловить рыбу, если она попадается въ большомъ количествѣ, а также и про то, что онъ думаетъ сдѣлать съ пойманной; рѣшилъ навялить, приготовить рыбьяго жиру, а остатки предоставить въ распоряженіе собакъ. Нарта была представлена доской, а собаки—палками.

Девятая сцена. Идутъ мужъ съ женой; мужъ началъ расхваливать свою жену, описывать ея красоту и доброту; жена на это стала дѣлать пріятное выраженіе лица и понемногу подплясывать; затѣмъ мужъ сталъ жену бранить за то, что она ему невѣрна, что любить много пить, и т. д.; нагнула тутъ жена свою голову и не подымала до тѣхъ поръ, пока онъ опять не началъ ее хвалить; такъ повторялось до пяти разъ и подъ конецъ стали вмѣстѣ плясать.

Десятая сцена. Женщина выдѣлываетъ шкурку соболя, при этомъ поетъ про то, какъ соболю живетъ въ лѣсу, какъ онъ выводитъ дѣтей, какъ ихъ обучаетъ ловить добычу и избѣгать человѣческихъ западней.

Одиннадцатая сцена. Молодому инородцу захотѣлось жениться; не очень далеко отъ него жилъ одинъ старикъ съ дочерью, за которую онъ и рѣшилъ посвататься, но сколько онъ ни старался, лица ея видѣть ему все таки не удавалось, такъ какъ она постоянно закрывалась платкомъ. Ѣздилъ онъ зимою на оленяхъ, лѣтомъ на лодкѣ и все результатъ одинъ и тотъ же: лишь только она его увидитъ, сейчасъ же закрывается; возвращается онъ назадъ изъ печальной импровизаціи поетъ про свое горе. Наконецъ, обратился къ *нуми торумъ* съ просьбой помочь ему, поднять вѣтеръ, который сорвалъ бы платокъ съ скромной дѣвушки. Поѣхалъ опять, подѣвжаетъ, дѣйствительно, поднялся вѣтеръ, платокъ былъ сорванъ и желаніе жениха было исполнено: онъ увидалъ лицо невѣсты, увидалъ и ахнулъ: такого безобразія въ жизнь не приходилось ему встрѣчать; моментально повернулъ лодку назадъ, усиленно загребъ и, отѣхавъ на приличное разстояніе, боязливо сталъ оглядываться, не ѣдетъ-ли она за нимъ и такъ всю дорогу вплоть до дома, гдѣ, отплеываясь, сталъ насмѣхаться надъ самимъ собою и надъ невѣстой; подъ конецъ поблагодарилъ бога за спасеніе отъ такой жены.

Двенадцатая сцена. Рыболовъ поставилъ на одной рѣчкѣ самоловы и уѣхалъ; подѣвжаетъ чрезъ нѣсколько времени воръ, осмотрѣлъ, крадучись и со всѣми предосторожностями,

крючки, снявъ попавшуюся на нихъ рыбу и уѣхалъ. На другой день та-же исторія; на третій опять; удивляется хозяинъ, что рыбы совсѣмъ нѣтъ; подумалъ, не срывается-ли она и рѣшилъ на другой день пріѣхать пораньше; пріѣзжаетъ и видитъ вора; догадался онъ тутъ о причинѣ малаго лова, сталъ потихоньку подкрадываться, но воръ все таки его замѣтилъ, бросился бѣжать, да неловко спустилъ крючки въ воду; одинъ изъ нихъ и попалъ ему въ задъ; чѣмъ больше онъ бьется, тѣмъ дальше крючокъ входитъ въ тѣло; подѣхалъ хозяинъ, сталъ его бить, а тотъ уже ни съ мѣста; сжалился тогда онъ надъ нимъ, вытащилъ крючокъ, предварительно обязавъ его заплатить нѣсколько пудовъ рыбы и нѣсколько оленьихъ шкуръ и такимъ образомъ спасъ его отъ позора, а, быть можетъ, и отъ смерти.

Тринадцатая сцена. Старшина и писарь ѣдутъ собирать ясакъ; собирали они уже долго и не мало стало у нихъ добра на нартахъ; даже олени съ трудомъ везли, но имъ все казалось мало; подъ конецъ даже стали собирать вотлепъ—*тытъ изъ оссы* *); пріѣзжаютъ къ одному охотнику, который въ это время занимался усиленнымъ приготовленіемъ стрѣлъ и стали отъ него требовать всего, что только у него есть; далъ онъ имъ соболя, оленя, лосиную шкуру—все мало; запросили вотлепу; разсердился онъ тутъ на нихъ, схватилъ охапку вотлепа и сталъ бить и старшину, и писаря; насилиу

---

*) Вотлепомъ называется наструганное дерево, приготовляемое, преимущественно, лѣтомъ изъ тальника, зимою изъ сосны, рѣдко изъ березы; въ холода изъ тальника его не дѣлаютъ, потому что тогда онъ легко крошится; вотлепъ составляетъ самую необходимую принадлежность каждаго хозяйства и имѣетъ самое разнообразное приложеніе — охотниками употребляется въ качествѣ ныря, при ѣдѣ вмѣсто салазокъ, кладется за губу вмѣстѣ съ нюхательнымъ табакомъ, женщинами въ періодъ менструацій, и т. д.; вообще онъ всегда и вездѣ сопровождаетъ инородца какъ мужчину, такъ и женщину; готовится часто съ осени на всю зиму; обыкновенно сукъ не очень стараго дерева, очищенный предварительно отъ коры, начинаютъ скоблить острымъ пожомъ, поставленнымъ совершенно перпендикулярно кверху; полученные стружки подрѣзаютъ не совсѣмъ, поэтому онъ остается съ одного конца прирѣзанными.

тѣ успѣли сѣсть на оленей и уѣхать; съ этихъ поръ къ этому охотнику ни ногой и больше къ нему уже не приставали.

Четырнадцатая сцена. Одинъ самоѣдъ пріѣзжаетъ въ гости къ женатому остяку; остякъ по самоѣдски не понимаетъ, а жена его кое-что знаетъ; изъ-за этого выходятъ разные недоразумѣнія, вродѣ того, что самоѣдъ просить пить, а ему мужъ даетъ ѣсть; тотъ хвалитъ жену, а хозяинъ думаетъ, что оленей, и предлагаетъ продать. Наконецъ, самоѣдъ успѣлъ остячкѣ передать, чтобы она бросила своего мужа и поѣхала-бы съ нимъ—онъ богаче, дастъ ей больше мѣдныхъ украшеній, сошьетъ соболѣю ягушку, подаритъ стадо оленей (у женъ собственность бываетъ нерѣдко отдѣльно отъ мужей); вначалѣ та не соглашалась, но послѣ соблазнилась обѣщаніями самоѣда, стала варить напитокъ изъ мухоморовъ-*пайхъ*, замѣнявшій прежде (изрѣдка употребляется и теперь) нашу водку и производящій не только опьяненіе, но заставляющій человѣка совершенно забывать окружающую его обстановку—идти въ рѣку, въ озеро, бросаться въ огонь, кидаться съ дерева на земь и вообще совершать цѣлый рядъ безразсудныхъ поступковъ, за которые ему иногда приходится потомъ сильно платиться. Сваривши этого напитка, она стала угощать гостя и мужа; первый пилъ мало, второй много, вслѣдствіе чего онъ скоро опьянѣлъ; самоѣдъ схватилъ жену, посадилъ ее на наргу и погналъ оленей; остякъ хотя и понималъ еще кое-что, но сдѣлать ничего не могъ: ноги отказывалисьидти, языкъ говорить и руки стрѣлать; побился, побился, потомъ опрокинулся и захрапѣлъ. Такъ безъ жены и остался.

Пятнадцатая сцена. Встрѣчаются два остяка, одинъ на лыжахъ, другой на оленяхъ; первый никогда не видалъ оленей, а второй лыжъ; осматриваютъ внимательно то и другое; пріѣхавшій на лыжахъ ѣсть олени изверженія, думая, что это черемуха; а владѣлецъ оленей осторожно подходитъ къ лыжамъ, боясь, какъ-бы онѣ его не укусили. Осмотрѣвши, стали каждый хвалить свое: одинъ говорить, что олени лучше,

другой, что лыжи. Рѣшили попробовать, что быстрѣе; пустились въ перегонки, никто не можетъ перегнать другого; тогда помѣнялись, но ни кто не можетъ сладить съ прибрѣтеннымъ имуществомъ: одного оленя не слушаются, а другой на лыжахъ не держится; бились, бились, рѣшили опять помѣняться, что и сдѣлили; послѣ чего разъѣхались.

Шестнадцатая сцена. Мужъ съ женой; первый дѣлаетъ стрѣлы, вторая мнетъ шкурки и приготовляетъ нитки изъ оленьихъ жилъ. И тотъ, и другая поютъ; первый про то, какъ онъ будетъ добывать звѣря, а вторая, какъ она изъ полученныхъ шкурокъ будетъ шить одежду для мужа и для себя. Кончивъ работу, начинаютъ плясать, причемъ мужъ машетъ стрѣлами, а жена—нитками и шкурками.

Семнадцатая сцена. Три сестры дѣвушки пришли съ Малой Сосьвы на Большую—Сѣверную искать себѣ жениховъ, такъ какъ слышали, что здѣсь мало женщинъ, а мужчинъ много. Старшая изъ сестеръ учитъ другихъ, чтобы онѣ не показывали виду, что имъ хочется имѣть мужей, а то говорить, мужчины народъ хитрый; догадаются, ни за что ихъ въ жены не возьмутъ; но сколько онѣ ни трудились, къ какимъ хитростямъ ни прибѣгали, заключавшимся, главнымъ образомъ, въ показываніи разныхъ сокровенныхъ мѣстъ и въ принятіи соблазнительныхъ позъ, изъ этого толку не вышло никакого; мужей онѣ себѣ не нашли, плюнули и пошли домой.

Восемнадцатая сцена. Приѣзжаютъ на низовья Оби съ ея верховьевъ два богатыхъ татарина; ищутъ себѣ невѣсть, ни какъ не могутъ найти; вдругъ видятъ дряхлую старуху; не обращаютъ ни какого вниманія на ея года, бросаются на нее, но она всетаки успѣваетъ выскользнуть и убѣжать отъ нихъ; преслѣдуя ее, они сталкиваются другъ съ другомъ и сваливаются въ кучу.

Девятнадцатая сцена. Входитъ одинъ человѣкъ, видитъ свою тѣнь, удивляется ей и не знаетъ, чѣмъ объяснить то, что она продѣлываетъ все, что только онъ дѣлаетъ; производитъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ движеній и тѣнь,

конечно, ихъ всѣ повторяетъ; наконецъ, пугается этого, просить тѣнь отстать отъ него; все не помогаетъ, кидается на колѣни, тѣнь тоже; наконецъ, бросается бѣжать и скрывается изъ глазъ зрителей.

Двадцатая сцена. Одинъ человекъ спитъ въ лѣсу, его кусаютъ комары; онъ во снѣ ихъ отгоняетъ, дѣлаетъ разныя движенія, гримасы, наконецъ, вскакиваетъ, протираетъ глаза и начинаетъ разводить костеръ; развелъ, опять легъ, заснулъ, но комары вновь надоѣдаютъ и онъ скоро опять просыпается, схватываетъ головню и начинаетъ ею махать въ разныя стороны.

Двадцать первая сцена. Одинъ звѣроловъ охотится въ чужомъ лѣсу и довольно удачно, такъ какъ уже убилъ трехъ соболей; вдругъ встрѣчаетъ его собственникъ лѣса, схватываетъ его и хочетъ убить за своеволие; тотъ испуганный и дрожащій отъ страха начинаетъ его уговаривать, отдаетъ ему убитыхъ соболей, предлагаетъ пригнать ему нѣсколько штукъ оленей, привести нѣсколько котловъ, но все напрасно; хозяинъ подозрѣваетъ его, что онъ и раньше охотился и что онъ перебилъ у него не мало дичи; наконецъ, тотъ говоритъ, что у него есть дочь, которую онъ отдастъ за него безъ всякаго калыму, лишь-бы онъ его отпустилъ. Предложеніе это съ радостью принимается и они оба начинаютъ плясать.

Двадцать вторая сцена. Одинъ отецъ пошелъ отыскивать жену для сына; послѣ долгихъ разспросовъ узналъ, что въ одномъ селеніи живетъ мать съ дочерью; отправляется туда, дочери нѣтъ дома, но онъ условился послѣ долгихъ переговоровъ съ матерью о калымѣ, причемъ обязался доставить двадцать пять оленей, десять пудовъ вяленой рыбы, пять собольихъ шкурокъ и три ягушки. Отправляется домой за сыномъ, беретъ его съ собой и идетъ къ невѣстѣ; но сынъ его былъ совершенный дикарь, ничего не видалъ и былъ въ высшей степени застѣнчивъ. По дорогѣ постоянно задаетъ вопросы: «это что, это зачѣмъ?» и такъ далѣе. Подходить къ невѣстину дому, видитъ прорубь въ рѣкѣ, изъ котораго она

береть воду, пугается и бѣжитъ назадъ; отецъ за нимъ, догоняетъ, останавливается, ворочаются; видитъ мѣсто, гдѣ рубятъ дрова—опять бѣжитъ; видитъ сѣни—входитъ въ нихъ—бѣжитъ; такъ, однимъ словомъ, продолжается нѣсколько времени, наконецъ удается ввести его въ домъ и познакомить съ невѣстой; сейчасъ же устраивается свадьба, послѣ которой начинаютъ плясать.

Двадцать третья сцена. Мушина приводитъ больного съ двумя опухольями, по одной на спинѣ и на груди; ищетъ доктора, не находитъ; рѣшается самъ лѣчить, говоря, что за больными надо ухаживать, облегчать имъ ихъ страданія и утѣшать всевозможными средствами тѣмъ болѣе, что всякій изъ людей можетъ захворать еще сильнѣе. Беретъ топоръ, точить его, кладетъ больного на спину и ловкимъ ударомъ отрѣзаетъ или, вѣрнѣе сказать, отрубаетъ грудную опухоль, то же самое продѣлываетъ и со спинной. Больной выздоравливаетъ и вмѣстѣ со своимъ докторомъ начинаетъ плясать.

Двадцать четвертая сцена. Двое тобольскихъ купцовъ плыть по Оби, встрѣчаютъ остяка, дѣлающаго въ одномъ мѣстѣ заборъ для рыбы; здороваются съ нимъ, тотъ еле имъ отвѣчаетъ; спрашиваютъ, есть-ли у него рыба. «Есть, отвѣчаетъ, но не для васъ». «Отчего ты намъ ничего не хочешь продать или промѣнять—у насъ есть немало разныхъ хорошихъ товаровъ и мы уступимъ по своей цѣнѣ». «Знаю я это, но съ вами дѣла имѣть не желаю: у меня есть все, что мнѣ надо: рыба, птица и звѣрь—въ большемъ я не нуждаюсь; а попадешь къ вамъ въ лапы—скоро не выберешься». Сказалъ и только сильнѣе принялся за работу; постояли они немного; видятъ, что толку никакого не добьются и поѣхали дальше; а инородецъ поглядѣлъ имъ вслѣдъ, потрясъ кулакомъ и проворчалъ: «Разбойники и грабители».

Двадцать пятая сцена. Двое вносятъ покойника очень большого роста благодаря тому, что у него маска прикрѣплена къ длинной палькѣ, продѣтой сквозь малицу; при помощи этой палки совершаются разные движенія мнимой головой.

Принесіе начинаютъ тереть покойника въ разныхъ мѣстахъ, брызгаютъ живой водой — *мимнъ витъ*, оживляютъ его и на радостяхъ всё начинаютъ плясать; затѣмъ даютъ ему нюхать табакъ, котораго онъ раньше не видалъ; онъ съ радостью бросается на него, обнюхивается, падаетъ и умираетъ; опять оживили, опять обнюхался — все это обыкновенно сопровождается разными тѣлодвиженіями и гримасами; вновь оживили и т. д. до трехъ разъ; наконецъ *мимнъ витъ* не хватило и онъ умеръ окончательно. Его спутники стали хоронить его со всѣми обрядами, о которыхъ писалось раньше; похоронивши, устроили небольшое празднество въ честь покойнаго, сопровождаемое танцами.

Двадцать шестая сцена. Одинъ человѣкъ изображаетъ березовый пенъ, другой подходитъ къ нему и начинаетъ дѣлать разные движенія, которыя нѣмъ аккуратно повторяются; сцена, напоминающая собою представленіе съ тѣнью. Подъ конецъ у пня обнаруживаются руки, ноги, голова; однимъ словомъ, онъ превращается въ человѣка, который и начинаетъ вмѣстѣ съ другимъ плясать.

Двадцать седьмая сцена. Охотникъ въ лѣсу наткнулся на *мэнквэ*, стоявшаго совершенно неподвижно, такъ что онъ не знаетъ — *мэнквэ*-ли это или пенъ; чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли это *мэнквэ*, онъ говоритъ: если это лѣшій, то пусть онъ продѣлываетъ все то, что я сейчасъ самъ буду». Сталъ поднимать руку, ногу, поворачивать голову и т. д., но что только онъ ни дѣлалъ, все немедленно повторялось, и онъ убѣдился, что это — *мэнквэ*. Бросился на колѣни, сталъ просить пощады и обѣщалъ принести ему въ жертву двухъ оленей. Въ знакъ пощады и прощенія за сомнѣніе, *мэнквэ* повернулъ голову и съ присвистомъ убѣжалъ.

Двадцать восьмая сцена. *Мэнквэ* съ женой входятъ, свистя и топая, и кланяются медвѣдю; затѣмъ берутъ въ обѣ руки по платку и начинаютъ съ крикомъ, гамомъ и шумомъ плясать; утомившись — ложатся: мужъ начинаетъ ласкать жену, при-

стаетъ къ ней; та сперва отворачивается, но потомъ соглашается....

Двадцать девятая сцена. Входятъ три *мэнква*, садятся на скамейку, поднимаютъ по очереди правую и лѣвую ногу, затѣмъ вскакиваютъ и дѣлаютъ кругъ, причеиъ, проходя мимо медвѣдя, кланяются ему и свистятъ; садятся опять, поднимаютъ правую и лѣвую руку, вскакиваютъ, дѣлаютъ кругъ; опять садятся, дѣлаютъ движеніе головой и повторяютъ все то, что дѣлалось и раньше; затѣмъ всѣ втроемъ начинаютъ быстро кружиться на одномъ мѣстѣ, хлопаютъ въ ладоши и съ присвистомъ убѣгаютъ.

Тридцатая сцена. Два охотника ловятъ сѣтями утокъ и гусей и очень удачно—каждый разъ вытаскиваютъ десятками; объясняютъ это себѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ изъ нихъ отлично подражаетъ крику разныхъ птицъ. Вдругъ является дочь *мэнква* и предлагаетъ сразу имъ обоимъ себя въ жены, говоря, что удачной охотой они обязаны ей, такъ какъ она загнала птицу прямо въ ихъ сѣти. Они отказываются; та раздраженная уходитъ а на прощаніи говоритъ, что они ее не забудутъ. Приступили послѣ этого къ охотѣ и, сколько ни старались, поймать ничего не могли; сидѣли еще семь дней, запасы уже истощились, пошли домой, надѣясь тамъ взять изъ спрятаннаго въ амбарѣ; приходятъ, оказывается амбаръ-сгорѣлъ; пошли опять на охоту, но по прежнему безуспѣшно; поняли они тутъ, что бороться съ дочерью *мэнква* имъ не подѣ силу, стали ее призывать, но она уже не являлась и они въ страшныхъ мученіяхъ—въ корчахъ погибаютъ отъ голодной смерти.

Тридцать первая сцена. Три брата пошли въ лѣсъ охотиться; приходятъ на одно мѣсто, гдѣ старшій былъ уже раньше, раскладываютъ костеръ, варятъ себѣ пищу и ложатся спать. Утромъ старшій рассказываетъ свой сонъ, будто онъ видѣлъ болото, за которымъ тянется большое озеро, съ мысомъ, поросшимъ громадными лиственничными деревьями, между которыми стоитъ домъ, гдѣ живутъ дочери

мэнква. Спрашиваетъ онъ братьевъ, не хотятъ-ли они пойти вмѣстѣ съ нимъ туда посмотрѣть, что это за дочери *мэнква*. Согласились, пошли, видятъ, что дорога точь въ точь такая, какой видѣлъ ее во снѣ старшій братъ; доходятъ до озера; испугался тутъ младшій—бросился бѣжать назадъ; пошли вдвоемъ, дошли до мыса; оглянулея старшій братъ назадъ—никого, и средній убѣжалъ. Дѣлать нечего, пошелъ одинъ, дошелъ до дому, отворилъ дверь; тутъ бросилась на него дочь *мэнква* (она была одна дома) и стала съ нимъ бороться; не удалось ей всетаки его побороть, признала она его своимъ мужемъ и мирно пошла за нимъ. Подходятъ къ старому мѣсту, увидали ихъ братья и рѣшили убить своего старшаго и завладѣть его женой; но онъ объѣтомъ догадался и сталъ ихъ осмѣивать, что они испугались бабы и бросились отъ нея бѣжать; оскорбило ихъ это, стали сваливать другъ на друга, побранились, наконецъ, подрались, да такъ, что оба умерли. Старшій братъ со своей молодой женой на радостяхъ сталъ плясать, а затѣмъ отправился съ ней домой.

Тридцать вторая сцена. Двое охотниковъ пошли на охоту за соболями въ такія мѣста, гдѣ бывали раньше и гдѣ соболей всегда было много; но въ этотъ разъ ходили долго, а звѣрей не видали; удивляются, отчего они перевелись, идутъ впередъ; вдругъ увидали слѣды, похожій на человѣческой, но только гораздо больше, испугались, побѣжали назадъ, но за ними раздался свистъ, топотъ, а затѣмъ вдругъ на дорогѣ прямо и противъ нихъ появился *мэнквъ*, который загородилъ имъ путь; дѣлать было нечего, взялъ одинъ изъ охотниковъ ружье, зарядилъ его мѣдной пулей, которую каждый охотникъ носить на всякій случай и выстрѣлилъ, цѣлясь прямо въ сердце. Выстрѣлъ даромъ не пропалъ—*мэнквъ* упалъ мертвымъ. Проходить такъ три дня, дочь *мэнква* ждетъ своего отца, но все напрасно — отца нѣтъ; рѣшила тогда идти ему навстрѣчу; шла долго, наконецъ нашла на слѣды; они привели ее къ истинѣ: вскорѣ можно было замѣтить тѣло убитаго *мэнква*; она бросилась къ нему, стала цѣловать, плакать;

наконецъ увидала убійцъ и начала просить ихъ оживить ея отца, вынувъ изъ тѣла пулю. Они не соглашаются; тогда дочь *манкоа* предлагаетъ въ даръ всевозможныхъ звѣрей, птицъ и рыбъ; общается имъ всегда и вездѣ успѣхъ и полное содѣйствіе, но и этого мало; тогда она предлагаетъ имъ себя въ жены; на это они соглашаются, вынимаютъ пулю изъ тѣла и убитый оживаетъ. Дочь рассказываетъ, какой цѣнокона его спасла; тотъ ее благодаритъ и соглашается на бракъ; братья уводятъ ее съ собою и начинаютъ съ нею жить какъ съ женой.

Тридцать третья сцена. Два брата собираются идти въ лѣсъ на охоту и не хотятъ съ собою брата младшаго—дурачка, но тотъ, замѣтивъ, что они куда-то идутъ, сталъ просить ихъ взять и его съ собою; вначалѣ тѣ отказывались, говоря, что они далеко идутъ и что онъ ничего не умѣетъ, но затѣмъ согласились; отъ радости младшій сталъ бѣгать и кричать: «иду, иду». Велятъ ему выючить нарту; сколько онъ ни старался, не могъ всего уложить такъ, какъ слѣдуетъ; научили его, и, собравшись вполнѣ, отправились; они вдвоемъ пошли впередъ и потянули нарту за собой, а ему велѣли подталкивать ее сзади; идутъ, устали очень скоро и удивляются, отчего такъ тяжело вести поклажу: кажется, вещей немного, а съ трудомъ тянуть; оглянулись назадъ и видятъ, что дурачекъ тянетъ тоже изо всѣхъ силъ, только въ обратную сторону; разсердились братья и поколотили его; пошли дальше—перестала нарта идти правильно, то вправо, то влево; оказывается, младшему надоѣло идти прямо и онъ то въ одну сторону нарту толкнѣтъ, то въ другую; поколотили и за это. Наконецъ добрались до мѣста, велѣли ему снѣгъ разгребать, сталъ имъ въ лицо бросать; велѣли дровъ нарубить, имъ ноги попортилъ; велѣли въ котелъ накласть (подразумѣвается, рыбы), а онъ сходилъ въ него за большой нуждой; велѣли вымытъ — вымылъ, да только уриной; велѣли мѣшать, сталъ это дѣлать ногою; разсердились братья, поколотили его и легли спать безъ ужина; такъ онъ все одинъ и съѣлъ. На другой день пошли лѣсовать; пока братья охотились, млад-

шій сталъ потихоньку дѣлать *сангульдапъ*; вечеромъ одинъ братъ принесъ пару соболей, другой десятка три бѣлокъ, а младшій только одинъ рассказъ про то, что онъ столько видѣлъ звѣря, сколько ему никогда не приходилось видать, да не удалось ничего убить—глаза разбѣжались, не зналъ—въ кого стрѣлять. Съ ужиномъ повторилась вчерашняя исторія, такъ что братья поѣли только одной сухой рыбы; съ тѣмъ и уснули. Утромъ опять всё разошлись—братья охотиться, а дурачекъ сангульдапъ додѣлывать; додѣлалъ и спряталъ въ снѣгъ; вечеромъ поднялись разговоры о томъ, сколько кто убилъ: старшіе добыли не мало звѣря, а младшій только рассказываетъ, сколько онъ видѣлъ. Слѣдующій день, пока братья охотились, дурачекъ все игралъ и такъ вплоть до разсвѣта; очнулся, поскорѣе побѣжалъ на ночлегъ, а братья его уже спяты. Потомъ повторилось тоже самое, только младшій такъ заигрался, что проигралъ всю ночь; проснулись братья, видятъ, дурачка нѣтъ, испугались—не медвѣдь-ли его съѣлъ. Пошли отыскивать; искали, искали, вдругъ одинъ изъ нихъ слышитъ, кто-то вдали играетъ; свиснулъ, чтобы обратить вниманіе другаго, но этотъ свистъ услышалъ и играющій; испугался, бросился прятать свой сангульдапъ, но присутствующіе изъ публики стали его увѣрять, что это вѣтеръ; успокоился, досталъ инструментъ и сталъ играть опять; снова раздался свистъ, но и тутъ его успокоили, сказавъ, что это его лыжи скрипнули; наконецъ, братья потихоньку подкрались, увидали, что это ихъ дурачекъ играетъ, схватили его и стали требовать сангульдапъ; вначалѣ не отдавалъ, но потомъ долженъ былъ уступить самъ; принялся играть старшій, затѣмъ второй братъ, но сколько они ни старались, ничего у нихъ не вышло; передали младшему и велѣли играть. Началъ онъ и съ радости, что получилъ обратно свой инструментъ, такъ заигралъ, что всё заплясали.

Неприглядна и однообразна жизнь сѣвернаго инородца; проходитъ она изо дня въ день, полная борьбы за существованіе, особенно теперь, когда богатства страны уменьшаются, а потребности населенія увеличиваются; мало видитъ онъ радости и развлечения, а потребность въ томъ и въ другомъ у него безусловно существуетъ; немудрено поэтому, что рвется онъ и мчится за сотни верстъ на своихъ быстрыхъ оленяхъ на разныя жертвоприношенія, на пляски въ честь медвѣдя и тому подобные случаи, гдѣ его можно видѣть такимъ, какимъ онъ является на самомъ дѣлѣ, когда онъ никого не боится и когда дѣлаетъ лишь то, что захочетъ. Не только ему, но даже заѣзжему человѣку, пробывшему лишь всего нѣсколько мѣсяцевъ въ его обстановкѣ, служить отдохновеніемъ отъ трудовъ и развлеченіемъ присутствіе на жертвоприношеніяхъ и празднествахъ въ честь медвѣдя.